

Н. Бунаковъ.

КАКЪ Я СТАЛЪ

И

КАКЪ ПЕРЕСТАЛЪ БЫТЬ

„УЧИТЕЛЕМЪ УЧИТЕЛЕЙ“.

„Противъ розна трудно прати“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія товарищества «Общественная Польза».

Большая Подъяческая, № 39.

1906.

КАКЪ Я СТАЛЪ

И

КАКЪ ПЕРЕСТАЛЪ БЫТЬ

„УЧИТЕЛЕМЪ УЧИТЕЛЕЙ“.

„Противъ розна трудно прати“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія товарищества «Общественная Польза».

Большая Подъяческая, № 39.

1905.

1.

Первый шагъ.

Въ 1902 году исполнилось 30 лѣтъ моей скромной дѣятельности въ качествѣ вольнаго «учителя учителей»...

Скажутъ: что это за фантастическій титулъ? откуда онъ взялся, и кто дерзаетъ самозванно присваивать его себѣ?

Въ оправданіе такого моего самозванства расскажу одинъ эпизодъ изъ моихъ странствованій по Россіи.

Лѣтомъ 1899 года, руководя педагогическими курсами въ Херсонѣ, я, между прочимъ, познакомился съ интереснымъ мѣстнымъ музеемъ и съ создателемъ этого музея Викторомъ Ивановичемъ *Гошкевичемъ*, котораго просилъ удѣлить мнѣ, на память о Херсонѣ, кое-что изъ древностей, добытыхъ посредствомъ раскопокъ. Викторъ Ивановичъ былъ настолько любезенъ, что прислалъ мнѣ цѣлую коллекцію

интереснѣйшихъ вещей, снабдивъ ее оригинальнымъ письмомъ въ такомъ родѣ:

«Оучителей всея земли Рускые оучителю! Возжелавшю тебѣ посылаю съсуды древнія»... и т. д... слѣдуетъ перечисленіе и описаніе вещей, а затѣмъ заключеніе:

«Се все пріими на добрую память отъ смиреннаго гробокопателя, области Херсонскія лѣтописца, инока Виктора».

Вотъ откуда пошелъ титулъ «учителя учителей», который я дерзнулъ присвоить себѣ, намѣреваясь рассказать о тѣхъ учительскихъ *сътздахъ* и *курсахъ*, какими мнѣ приходилось руководить за 30 лѣтъ, о тѣхъ впечатлѣніяхъ и злоключеніяхъ, какими сопровождалась эта моя дѣятельность.

Прежде всего скажу, что я вовсе не искалъ роли «учителя учителей», вовсе не стремился къ ней: меня выдвинула и поставила въ это положеніе непреодолимая и непредвидѣнная мною сила обстоятельствъ. Да она же, помимо моихъ личныхъ желаній и стремленій, и столкнула меня съ этого положенія черезъ тридцать лѣтъ.

Въ 1866 году, послѣ десятилѣтней учительской службы по мин. народ. пр. и годового отдыха, который, впрочемъ, былъ отды-

хомъ только въ смыслѣ замѣны обязательнаго служебнаго труда свободнымъ, я занялъ мѣсто преподавателя русскаго языка въ воронежской военной гимназіи. Произошло это совершенно случайно, какъ многое бываетъ въ жизни русскихъ людей: мы случайно дѣлаемся либералами и патріотами, педагогами и демагогами... Казенная учительская карьера, сладости которой я достаточно испыталъ, вовсе не привлекала меня, хотя педагогическое дѣло очень интересовало меня, даже захватывало. Надо сказать, что общественный интересъ къ этому дѣлу въ тѣ годы, особенно въ Петербургѣ, былъ сильно возбужденъ, благодаря Ушинскому, Резенеру, Стоюнину, гр. Л. Н. Толстому, — и, по мѣрѣ того, какъ онъ замиралъ въ мин. нар. пр., усиливался и возрасталъ въ обществѣ. Между прочимъ, это педагогическое возбужденіе перекинулось изъ мин. нар. пр. въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній; сюда и хлынули лучшія русскія педагогическія силы того времени, которыя оказывались ненужными въ мин. нар. пр. Я сильно увлекался этимъ педагогическимъ возбужденіемъ и рвался къ живой педагогической работѣ, но все-таки служить и сдѣлаться оффиціальнымъ педагогомъ

вовсе не намѣревался, особенно въ г. Воронежѣ, о которомъ не имѣлъ никакого понятія и не зналъ рѣшительно ничего, кромѣ того, что это родина Кольцова и Никитина, что въ этомъ городѣ издаются «Филологическія Записки» и чуть ли не единственная тогда въ Россіи частная провинціальная газета («Воронежскій Листокъ», нынѣ не существующій). Непредвидѣнный случай толкнулъ меня на службу и въ Воронежѣ. Осенью 1865 года пришлось мнѣ проѣздомъ прожить здѣсь нѣсколько дней. Я узналъ отъ знакомаго о совершившемся преобразованіи мѣстнаго кадетскаго корпуса въ военную гимназію и о водвореніи новаго директора (нынѣ покойнаго), *П. П. Винклера*, котораго я зналъ въ Петербургѣ.

Преобразование кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, совершенное при военномъ министрѣ *Д. А. Милютинѣ* (нынѣ графѣ) и при начальникѣ военно-учебныхъ заведеній *Н. В. Исаковѣ*, а потомъ упраздненное ихъ преемниками (*Ванновскимъ* и *Махотинымъ*), было дѣломъ живой педагогической мысли. Оно не было простымъ переименованіемъ, — нѣтъ, оно стремилось изъ притупляющей растлѣвающей казармы или кантанисткой школы создать жи-

вое учебно-воспитательное учрежденіе, съ реальной программой и широкими воспитательными задачами. Насколько осуществились и могли осуществиться такія прекрасныя стремленія,— это другой вопросъ. Я думаю, что полное осуществленіе ихъ было прямо невозможно и по существу, и за недостаткомъ удовлетворительныхъ исполнителей. Живая педагогическая идея не могла примириться ни съ бессмысленнымъ обреченіемъ дѣтей 10-лѣтняго возраста на военную карьеру безъ всякаго вниманія къ ихъ индивидуальной природѣ и наклонностямъ, ни съ интернативнымъ режимомъ, который, какъ его ни устраивайте, всегда будетъ угнетать живую человѣческую личность и отзываться казармой. А то и другое, т. е. интернатъ и основная задача кадетскаго корпуса приготовить изъ дѣтей дворянчиковъ (сословность была третьимъ роковымъ противорѣчіемъ реформы живой педагогической идеѣ) исключительно воиновъ, то и другое (какъ и сословный характеръ) было обязательнымъ условіемъ преобразованія (можетъ быть, и не по винѣ преобразователей), которое потому и явилось куцымъ, половинчатымъ. Недостатокъ въ исполнителяхъ былъ другой половиной неудачи.

Правда, для приготовления педагоговъ-преподавателей были организованы особые курсы при 2-ой с.-петербургской военной гимназiи. Но главная трудность заключалась въ хорошемъ подборѣ не преподавателей, а воспитателей, для приготовления которыхъ, къ сожалѣнiю, ничего не было сдѣлано, и преобладающимъ контингентомъ для замѣщенiя воспитательскихъ мѣстъ было офицерство, полуобразованное и безъ всякой педагогической подготовки; попадались даже «бурбоны», со всѣми замашками упраздненнаго корпуснаго режима. Вотъ причины, которыя необходимо должны были ослаблять значенiе реформы, превосходной по идеѣ.

Я заѣхалъ въ воронежскую военную гимназiю повидаться съ Винклеромъ, познакомился съ инспекторомъ гимназiи, на которомъ формально лежало завѣдыванiе учебною частью, и съ его помощникомъ, извѣстнымъ писателемъ *М. Ѡ. Денуле*, который завѣдывалъ учебнымъ дѣломъ фактически. Люди оказались все симпатичные, съ большой энергiей и съ самыми лучшими стремленiями, понимающiе смыслъ совершаемой реформы, хотя и упускающiе изъ виду ея слабыя стороны. Мнѣ пред-

ложили мѣсто преподавателя, которое должно было скоро освободиться въ гимназіи, и соблазняли перспективой живой и самостоятельной педагогической работы. Я соблазнился и выѣхалъ изъ Воронежа съ тѣмъ, чтобы вернуться сюда на службу.

Такимъ-то образомъ я случайно попалъ въ чуждый мнѣ городъ Воронежъ, въ уѣздѣ котораго, повидимому, мнѣ суждено и окончить свой вѣкъ.

Однако, поселившись въ Воронежъ, я не могъ удовлетвориться преподаваніемъ въ военной гимназіи, дворянскомъ интернатѣ съ программой средняго учебнаго заведенія; меня больше интересовало дѣло того начальнаго обученія, которое я считалъ и считаю фундаментомъ всякаго разумнаго и прочнаго образованія и самообразованія. Поэтому въ 1867 году я основалъ въ Воронежѣ свою начальную школу на «новыхъ началахъ», т.-е. новыхъ для того времени и для русской провинціи. Эта школа дѣйствовала въ Воронежѣ, подъ моимъ руководствомъ и при постоянномъ моемъ непосредственномъ участіи, до осени 1884 года, т.-е. до переселенія моего изъ Воронежа въ деревню.

Главными изъ упомянутыхъ «новыхъ» началъ, конечно, весьма враждебно встрѣченныхъ тогдашними оффиціальными воронежскими педагогами, были: во-первыхъ, устраненіе въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ всякаго насилія, т.-е. наградъ, наказаній, и внѣшней, извнѣ установленной дисциплины, чтобы развитіе и обученіе учащихся опиралось исключительно на живые примѣры, на нравственное воздѣйствіе, на внутренній интересъ занятій, на сознаніе и добрую волю учениковъ; во-вторыхъ, широкое примѣненіе ко всѣмъ занятіямъ, безъ различія предметовъ, начала наглядности; въ-третьихъ, вообще такая организація школьной жизни, чтобы она вела дѣтей къ всестороннему и самостоятельному развитію ихъ природы. Здѣсь нѣтъ надобности распространяться о томъ, какъ именно и съ какимъ успѣхомъ примѣнялись и проводились въ школѣ эти основныя начала. Скажу только, что школа вела свое дѣло гласно, открыто, у всѣхъ на виду, открывая свои двери не только для оффиціальныхъ лицъ, но и для всѣхъ желающихъ, интересующихся дѣломъ; а свои подробные отчеты она постоянно печатала и въ мѣстныхъ изданіяхъ, и въ столичныхъ

педагогическихъ журналахъ, правдиво изображая въ нихъ какъ педагогическую, такъ и хозяйственную сторону своей жизни и дѣятельности. Я заговорилъ объ этой школѣ только потому, что въ ней-то, прежде всего, я получилъ подготовку и нѣкоторыя права, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ, выступить въ роли «учителя учителей».

Моя школа своими отчетами обратила на себя вниманіе какъ педагогической, такъ и общей русской прессы. Очень горячую, сочувственную статью о ней напечаталъ въ «С.-Пет. Вѣдомостяхъ» (ред. Корша) извѣстный тогда педагогъ *Я. М. Симоновичъ*, пріѣзжавшій въ Воронежъ на открытіе «дѣтскаго сада»: онъ тогда особенно увлекался идеями Фребеля и усердно пропагандировалъ ихъ въ Россіи, стараясь придать имъ обработку, соответствующую условіямъ и потребностямъ русской жизни. Мнѣ лично школа дала массу наблюденій и цѣннаго опыта. Я получилъ возможность на дѣлѣ провѣрить тѣ педагогическія идеи и теории, которыя мнѣ дало изученіе педагогической литературы—не только русской, которая тогда еще была очень бѣдна, а, главнымъ образомъ, конечно, нѣмецкой, богатой и авто-

ритетной въ глазахъ всего образованнаго міра. Впослѣдствіи мнѣ пришлось перенести не мало упрековъ и даже глумленій за мнимое пристрастіе къ нѣмецкимъ педагогическимъ теоріямъ: это было въ пору новаго крикливаго взрыва у насъ безпардоннаго патріотизма, когда даже г. Буренинъ заявился патріотомъ и народникомъ, когда наши «самобытники» усердно кричали, что у насъ все зло отъ «нѣмца», который «гадитъ» намъ, какъ прежде гадилъ французъ. Конечно, я не отрицаю, большаго вліянія нѣмецкой педагогической литературы на русскую начальную школу и на ея дѣятелей вообще, на меня, грѣшнаго, въ частности; но по совѣсти не могу признать этого вліянія злокачественнымъ: оно было и необходимо, неизбежно, и безусловно полезно. Оно было необходимо по той причинѣ, что потребность создать народную школу, ярко вспыхнувшая у насъ послѣ освободительнаго акта 19 февраля, захватила насъ врасплохъ, совершенно неготовыми къ дѣлу: у насъ не было ни учебныхъ книгъ, ни подготовленныхъ умѣлыхъ учителей, ни руководствъ. Поневолѣ пришлось обратиться за живыми примѣрами и образцами къ сосѣднему народу, богатому и опытомъ, и

педагогической литературой, обладающему и прочно поставленной народной школой, и авторитетными дѣятелями на поприщѣ народного образованія, вродѣ Адольфа Дистервега, тогда еще здравствовавшего и издававшего свои «Рейнскіе Листки». При этомъ, конечно, дѣло не обошлось безъ увлеченій и крайностей. Но увлеченія и преувеличенія прошли безслѣдно подъ вліяніемъ условій и требованій русской жизни,—и въ результатѣ получилось только одно добро. Русская народная школа, созданная исключительно заботами и жертвами земства, т.-е. лучшихъ русскихъ людей всѣхъ сословій, все-таки не сдѣлалась сколкомъ съ нѣмецкой школы. Нѣмецкая педагогическая литература дала ей только тѣ общія отвлеченныя идеи, тѣ общечеловѣческія основы разумнаго обученія, которыя нельзя назвать ни нѣмецкими, ни швейцарскими, ни русскими, которыми обуславливается человѣчность и разумность дѣла, но отъ которыхъ вовсе не зависитъ его народность, какъ не отъ общихъ отвлеченныхъ идей зависитъ народность того или другого произведенія Шиллера, Пушкина, Гоголя. Къ учебно-воспитательному дѣлу, *какъ къ искусству*, вполне примѣнима та истина,

что не отвлеченныя общечеловѣческія идеи дѣлаютъ его народнымъ, а своеобразное воплощеніе этихъ идей въ живыхъ народныхъ образцахъ, примѣненіе ихъ къ родному языку, къ народной жизни, съ ея содержаніемъ и потребностями. Напримѣръ, русская школа заимствовала у нѣмцевъ способъ обученія грамотѣ, основанный на членораздѣльности человѣческаго говора; но звуковой способъ русской школы вовсе не то, что звуковой способъ школы нѣмецкой, и «Родное Слово» Ушинскаго, написанное въ общемъ по образцу нѣмецкой книжки Шерра, все-таки носить на себѣ живую печать русской народности; оно гораздо народнѣе тѣхъ самобытныхъ букварей съ азами и складами, какіе еще понынѣ кое-гдѣ практикуются у насъ, — въ немъ «русскій духъ», въ немъ «Русью пахнетъ». Еще примѣръ: русская школа заимствовала отъ нѣмцевъ идею наглядности въ обученіи, какъ идею общечеловѣческую, основанную на прочно установленныхъ научныхъ положеніяхъ психологіи; но все-таки наглядность русскаго обученія вовсе не то, что наглядность въ нѣмецкой школѣ. То-есть идея-то, какъ отвлеченное общечеловѣческое начало, одна и та же,

да примѣненіе-то, воплощеніе-то ея иное, сообразно съ иными условіями и потребностями, съ инымъ содержаніемъ и характеромъ русской жизни. Нѣмецкая педагогическая литература привела насъ къ сознанию необходимости органическаго сліянія въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ общечеловѣческихъ началъ съ живымъ народнымъ началомъ, — и спасибо ей за это!.. Возвращаюсь къ моему разсказу.

Отдавшись всецѣло педагогической дѣятельности, я этому дѣлу отдалъ и мое время, и мою мысль, и мое перо. Я сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ какъ воронежскихъ «Филологическихъ Записокъ», включавшихъ (и нынѣ включающихъ) въ свою программу педагогическіе вопросы (преподаваніе родного языка), такъ и столичныхъ изданій: «Педагогическій Сборникъ» (редакція Н. Хр. Весселя), «Семья и Школа» (ред. Ю. И. Симашко), «Учитель» (ред. І. И. Паульсона).

Занятія и наблюденія въ школѣ и въ гимназіи, между прочимъ, дали мнѣ идеи и матеріалы для двухъ работъ, которыя въ свое время имѣли значительный успѣхъ и роковое значеніе для моей будущности, въ смыслѣ моего

вступленія въ роль «учителя учителей». Это были: «Концентрическій учебникъ русской грамматики», въ которомъ къ изученію языка прилагается индуктивный методъ, и «Руководство къ обученію грамотѣ въ связи съ предметными уроками и упражненіями въ родномъ языкѣ», представлявшее собой первую попытку ввести процессъ обученія грамотѣ въ общую систему занятій роднымъ языкомъ. Обѣ эти работы были изданы редакціей журнала «Семья и Школа» въ 1870—1871 годахъ; онѣ обратили на себя вниманіе и вызвали одобреніе не только такихъ самостоятельныхъ и свободныхъ педагоговъ, какъ *Ө. Ө. Резенеръ*, но и оффиціальныхъ органовъ, какъ, напр., «Журн. Мин. Нар. Пр.», все еще пока не чуждавшася педагогическихъ вопросовъ, несмотря на его захудалость съ тѣхъ поръ, какъ его оставилъ *К. Д. Ушинскій*.

Въ 1872 году въ Москвѣ происходила все-россійская политехническая выставка съ очень полнымъ и богатымъ, для того времени, педагогическимъ отдѣломъ, и особенно по начальному обученію,—отдѣломъ, которымъ завѣдывалъ начальникъ военно-учебныхъ заведеній *Н. В. Исаковъ*. Министерство нар. пр., съ гр.

Д. А. Толстымъ во главѣ, оставалось въ сторонѣ отъ этой выставки, даже враждебно относилось къ ней—можетъ быть, именно по той простой причинѣ, что ему и нечего было выставять, такъ какъ для «народнаго просвѣщенія» имъ ничего не было сдѣлано—ни полезнаго, ни вреднаго; тогда земство еще одиноко и безпрепятственно занималось созданиемъ и установлениемъ русской народной школы, безъ всякихъ тормазовъ и противодействій, но и безъ всякой помощи и поддержки съ той стороны, откуда оно вправѣ было того ожидать.

По инициативѣ Н. В. Исакова, предположено было при учебномъ отдѣлѣ московской выставки организовать всероссійскій съездъ земскихъ и другихъ народныхъ учителей и учительницъ. Обиліе учебныхъ пособій для начальнаго обученія, которыя были приготовлены музеемъ военно-учебныхъ заведеній, фирмой Фену и К^о и «Педагогической бібліотекой» Н. А. Соковнина (въ Москвѣ, на Воздвиженкѣ), представлялось очень благопріятнымъ условіемъ для такого съезда въ интересахъ только что народившейся народной школы. Предположенія были очень широкія: и осмотръ учебныхъ по-

собій съ надлежащими объясненіями, и лекціи по главнымъ предметамъ элементарнаго курса, и практическія занятія—уроки въ школѣ, съ бесѣдами по поводу ихъ, и обсужденіе наиболѣе существенныхъ вопросовъ школьнаго дѣла, примѣнительно къ условіямъ и потребностямъ рѣсской жизни. Но осуществить удалось только весьма немногое, и то часкоро, потому что эти предположенія натолкнулись на упорное противодѣйствіе мин. нар. пр. Довольно продолжительная борьба двухъ вѣдомствъ затянула самое рѣшеніе вопроса о томъ, быть или не быть задуманному съѣзду. Вопросъ разрѣшился въ утвердительномъ смыслѣ только въ концѣ весны. Приглашенія на съѣздъ были разосланы земствамъ слишкомъ поздно. Дѣло пришлось ограничить исключительно лекціями и осмотромъ учебныхъ пособій. Съѣздъ вышелъ далеко не всероссійскимъ; но все-таки собралось съ разныхъ концовъ Россіи до 800 слушателей, въ числѣ которыхъ было не мало земскихъ людей. Обширное и вполне удобное помѣщеніе для лекцій устроили въ манежѣ. Лекторами были приглашены: по родному языку—я, по ариѣметикѣ—*В. А. Евтушевскій* и по хоровому пѣнію г. *Альбрехтъ*.

Для меня это приглашеніе явилось совершенной неожиданностью, которая очень смутила меня, тѣмъ болѣе, что времени для подготовки въ моемъ распоряженіи было очень мало, не болѣе трехъ недѣль, а я вовсе не считалъ себя достаточно подготовленнымъ къ отвѣтственной роли «учителя учителей». Въ виду совершенно особенныхъ условій только-что народившейся русской народной школы и неподготовленности ея учительства къ дѣлу, не представлялось никакой возможности пользоваться готовымъ матеріаломъ; было необходимо многое обрабатывать заново, самостоятельно, по своему крайнему разумѣнію, — такъ сказать, «создавать».

Не скажу, чтобы я былъ доволенъ моими московскими лекціями. Мнѣ приходилось въ первый разъ примѣнять мою лекторскую способность передъ такой обширной аудиторіей, да еще рядомъ съ такимъ опытнымъ и самоувереннымъ лекторомъ, каковъ былъ покойный Евтушевскій. Недовѣрчиво относясь къ своимъ лекціямъ, я все надѣялся восполнить ихъ пробѣлы, подкрѣпить мои дидактическія и методическія изложенія, освѣтить, иллюстрировать ихъ примѣрными уроками въ школѣ, но, къ

сожалѣнію, уроки не состоялись, вопреки настояніямъ лекторовъ, такъ какъ Евтушевскій держался того убѣжденія, что дидактика и методика безъ живыхъ примѣровъ, въ формѣ уроковъ, теряетъ 50% своего значенія; а въ нашихъ лекціяхъ, сообразно съ потребностями тогдашняго учительства, преобладающую роль играли именно дидактика и методика: вѣдь то было учительство, въ большинствѣ, безъ всякой спеціальной подготовки и съ самымъ умѣреннымъ общеобразовательнымъ цензомъ, попавшее въ школу совершенно случайно. Да, кромѣ того, дидактика и методика тогда были у насъ совершенной новостью даже и для большинства преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній; руководящихъ сочиненій по этимъ предметамъ на русскомъ языкѣ почти вовсе не было не только оригинальныхъ, но и переводныхъ. Такъ какъ школы для уроковъ намъ не дали, то живые дѣйствительные уроки дѣтямъ понадобилось замѣнять изложеніемъ сочиненныхъ уроковъ; но развѣ такія искусственныя иллюстраціи могли замѣнить живую дѣйствительность?

Какъ-никакъ, все-таки лекціи мнѣ удались гораздо лучше, нежели я ожидалъ, а живыя

бесѣды, иногда совершенно неожиданныя, но всегда очень интересныя для меня, которыми лекціи нерѣдко сопровождались, окончательно примирили меня съ этимъ первымъ дебютомъ въ роли «учителя учителей». Обыкновенно послѣ лекціи подходило ко мнѣ пять-шесть бойкихъ молодыхъ людей съ вопросами или возраженіями по поводу выслушанной лекціи, требуя объясненій, дополненій, примѣровъ; возникали споры, дебаты, иногда очень интересные, и во всякомъ случаѣ шель живой, свободный обмѣнъ мыслей. Бесѣда начиналась тутъ же въ аудиторіи, а продолжалась въ саду и часто затягивалась на нѣсколько часовъ, даже переносилась ко мнѣ на квартиру.

Впослѣдствіи, когда я привелъ въ порядокъ и нѣсколько обработалъ мои лекціи, онѣ явились въ печати подъ названіемъ «Родной языкъ, какъ предметъ обученія въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ». Книга удостоилась даже рекомендаціи мин. нар. пр. и имѣла значительный успѣхъ; она выдержала 12 изданій.

Что сказать объ учительствѣ новорожденной русской народной школы, собравшемся на этотъ первый (и послѣдній?) всероссійскій съѣздъ? О неподготовленности его къ дѣлу

въ большинствѣ я уже говорилъ, но среди него замѣчалось не мало живыхъ, преданныхъ дѣлу и даровитыхъ людей. Определеннаго типа русскаго народнаго учителя еще не выработалось. Общая масса представляла чрезвычайное разнообразіе. Изъ этой массы, въ общемъ довольно сѣренькой, на мой взглядъ выдавались учителя вятской и херсонской губерній. Въ вятской группѣ находился энтузіастъ земской школы, педагогъ-священникъ *Н. Н. Блиновъ*, симпатичнѣйшій человекъ, страстно преданный дѣлу народнаго образованія, широко понимавшій задачу народной школы. Онъ тогда былъ уже извѣстенъ своею умною книжкой «О способахъ преподаванія предметовъ элементарнаго курса», написанной горячо и съ хорошимъ пониманіемъ дѣла; а теперь привезъ въ Москву въ рукописи свой новый трудъ «Ученье—свѣтъ», съ которымъ познакомилъ меня и съ которымъ я познакомилъ аудиторію, какъ съ превосходнымъ курсомъ «родиновѣдѣнія» для народной школы. Книжка эта была издана въ Москвѣ Мамонтовымъ и до сихъ поръ пользуется вполне заслуженнымъ успѣхомъ.

Вятское и херсонское учительство выдѣля-

лось своею любознательностью, жаждою знанія и свѣта. Еще обращала на себя особенное вниманіе довольно многочисленная группа воспитанниковъ новгородской учительской семинаріи (земской, чуть ли не первой въ Россіи); эта молодежь изъ крестьянъ, бойкая, пытливая, даровитая, явилась въ Москву съ директоромъ семинаріи во главѣ, извѣстнымъ въ то время педагогомъ барономъ *М. О. Косинскимъ*. Это былъ чрезвычайно оригинальный, простой и добрый человѣкъ. Среди своихъ учениковъ, будущихъ учителей, онъ казался не директоромъ чиновникомъ во вкусѣ гр. Д. А. Толстого, а старшимъ товарищемъ съ большимъ вліяніемъ, которое опиралось не на внѣшнюю директорскую власть, а на живую нравственную силу человѣка больше развитого, больше знающаго, больше жившаго и мыслившаго. Въ отношеніяхъ между нимъ и этою крестьянскою молодежью было что-то трогательное, любовное, наивно-возвышенное, чего мнѣ больше уже никогда не приходилось наблюдать въ отношеніяхъ между русскими директорами и ихъ воспитанниками. Оно и понятно: вѣдь вскорѣ живое педагогическое начало стало чахнуть и умирать въ нашемъ педагогическомъ

мірѣ, витѣсняемос бездушнымъ формализмомъ. Когда приходилось разговаривать съ новгородскою молодежью, руководимою М. О. Косинскимъ, вѣрилось, что изъ этихъ здоровыхъ крестьянскихъ ребятъ вырабатываются хорошіе и оригинальные работники для народной школы, съ прекрасными идеалами, съ устойчивою любовью къ дѣтямъ народа и къ школѣ, съ огонькомъ и достаточною долей живого учительскаго творчества. И эта вѣра такъ радовала въ то время: вѣдь тогда еще никому въ голову не приходило, чтобы такія-то именно качества и можно было признавать опасными, лишними, нежелательными въ народномъ учителѣ... Да, была и для нашего отечества свѣтлая пора возвышенныхъ идеаловъ, благородныхъ увлеченій, беззавѣтной вѣры, — «была да сплыла»: возвратится ли, повторится ли она когда нибудь?...

Не знаю, что вышло изъ той новгородской молодежи въ концѣ концовъ. У М. О. Косинскаго вскорѣ начались нелады и съ министерствомъ, которое косо смотрѣло на этого чловѣка съ чистою, хрустальною душой, какъ на либерала-народника, и съ земствомъ, которому не нравилась самостоятельность избран-

наго имъ директора,—и пришлось этому благородному, недюжинному чловѣку отказаться отъ созданной имъ семинаріи.

Въ общемъ этотъ первый (и послѣдній?) всероссійскій съѣздъ работниковъ народной школы и дѣятелей народнаго образованія нельзя признать удачнымъ, хотя это произошло отнюдь не по винѣ его инициаторовъ.

Очевидно было, что многія земства, признавшія дѣло народнаго образованія и созиданіе на Руси народной школы одною изъ краеугольныхъ своихъ задачъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — сознававшія чрезвычайную трудность этого дѣла, возлагали большія надежды на этотъ съѣздъ: они надѣялись, что здѣсь выяснятся хоть нѣкоторые изъ наиболее важныхъ вопросовъ относительно организациі народной школы, ея учебной программы и правильной постановки въ ней учебно-воспитательнаго дѣла, сообразно съ условіями и потребностями жизни; они послали сюда наиболее чуткихъ и энергическихъ представителей; они командировали своихъ лучшихъ, самыхъ надежныхъ и даровитыхъ учителей и обязали ихъ подроб-

ными отчетами обо всемъ, что они услышатъ и увидятъ въ Москвѣ на съѣздѣ.

Нельзя сказать, чтобы съѣздъ вовсе не оправдалъ этихъ надеждъ, но во всякомъ случаѣ онъ далъ меньше, чѣмъ отъ него ждали и чѣмъ онъ могъ бы дать при иной, болѣе свободной и болѣе согласной съ желаніями инициаторовъ, организациі его.

Во-первыхъ, какъ уже было сказано, ему не доставало школы для практическихъ занятій, т.-е. для примѣрныхъ уроковъ прежде всего лекторовъ-руководителей, а потомъ и желающихъ изъ курсистовъ. Безъ такой живой иллюстраціи, сопровождаемой объясненіями и обсужденіями, дидактическія и методическія изложенія потеряли и должны были потерять половину своей цѣны. Въ настоящее время, когда наше учительство достаточно овладѣло техникою обученія и примѣненіемъ на практикѣ общихъ дидактическихъ положеній, когда оно болѣе или менѣе знакомо съ существующими учебными пособіями и умѣетъ пользоваться ими, такіе уроки, да, пожалуй, и такія лекціи, какія нужны были тогда, утратили свое доминирующее значеніе. Но не то было тридцать лѣтъ тому назадъ.

Во-вторыхъ, съѣзду недоставало живыхъ и свободныхъ совѣщаній по общимъ школьнымъ вопросамъ, особенно важныхъ въ то время. Народная школа только что возникала и формировалась. У нея не было ни традицій, ни опыта, ни запаса наблюдений, ни понимающихъ дѣло руководителей, ни точно обозначенной задачи, ни выработанной программы, ни крѣпкой связи съ жизнью.

Всѣ были убѣждены въ одномъ: что дѣтей освобожденнаго народа *надо учить*, не жалѣя для этого ни средствъ, ни силъ. Даль открывалась широкая, просторная, но не было не только проторенной дороги, даже и примѣрныхъ вѣхъ, чтобы ее проложить. Поэтому земства и отдѣльныя личности, при самыхъ лучшихъ пожеланіяхъ, работали вразбродъ и въ полутьмѣ; каждый на свой страхъ шелъ впередъ безъ увѣренности, нетвердыми, колеблющимися шагами. Понятно, какую большую и важную службу могъ бы тутъ сослужить московскій съѣздъ своими совѣщаніями и постановленіями, какія ошибки могъ предупредить, какіе существенные вопросы освѣтить. Вѣдь тутъ собралась масса и горячихъ энтузіастовъ, и людей благоразумнаго опыта, и

теоретиковъ-идеалистовъ, и людей близкихъ къ народу, хорошо знакомыхъ съ его жизнью, его нуждами и потребностями. Тутъ возможенъ былъ живой обмѣнъ драгоценными опытами и наблюденіями, жизненными идеями и планами. Возможны были и цѣнные основательные выводы.

Грустно подумать, что все это пропало, благодаря упорному и грубому (чтобы не сказать болѣе) противодѣйствию тѣхъ, кто обязанъ бы содѣйствовать правильной организаціи создаваемой народной школы и наилучшей постановкѣ ея дѣла.

Такъ или иначе, но несомнѣнно одно, что московскій всероссійскій учительскій съѣздъ 1872 года, при всѣхъ его несовершенствахъ, много способствовалъ оживленію и подъему интереса къ народной школѣ, къ народному учителю и къ народному образованію въ русскомъ обществѣ вообще, въ земствѣ особенно. Земская школа стала предметомъ особеннаго вниманія. На ея благоустройство обратились серьезныя заботы; ею интересовались; на нее уповали, какъ на могучее и единственное вѣрное средство внести въ народную жизнь начала человѣчности, культуры, просвѣщенія.

Ряды ея учительства стали пополняться образованными и одушевленными безкорыстными добровольцами. Немного ихъ было, но они сыграли крупную роль въ исторіи русской народной школы: это были свѣточи среди сумерекъ, которые распространяли вокругъ себя если не особенно яркій, то во всякомъ случаѣ благотворный свѣтъ. Не безъ ихъ помощи наша народная земская школа все-таки подвигалась впередъ, хотя медленно, но неуклонно, за тридцать лѣтъ своего существованія, болѣе обильнаго невзгодами, грозами, и бурями, нежели ясными солнечными днями.

II.

Съезды народных учителей.

Возбужденіе въ русскомъ обществѣ интереса къ народному образованію и къ создаваемой земствомъ народной школѣ, совпавшее съ московскимъ всероссійскимъ съѣздомъ 1872 года и много усиленное имъ, между прочимъ, обнаружилось напряженною заботой о поднятіи умственнаго и спеціально-педагогическаго уровня учительства, работающаго въ народной школѣ. Это было необходимо, чтобы — не говорю — хорошо, а хотя сносно, поставить учебно-воспитательное дѣло. Я уже говорилъ, что находить сколько нибудь подготовленныхъ начальныхъ учителей тогда у земства не было никакой возможности; до сихъ поръ не было заботъ о приготовленіи такихъ учителей и для такъ называемыхъ «приходскихъ» училищъ, въ которыхъ дѣло шло изъ рукъ вонъ плохо; говорю, какъ очевидецъ, что въ нихъ за три, за четыре года дѣти (и то далеко не всѣ)

научались только кое-какъ, по складамъ, разбирать печатную книжку, безъ всякаго пониманія, да механически списывать прописи. Но земство, состоящее изъ лучшихъ русскихъ людей всѣхъ сословій, принимающее дѣло народнаго образованія близко къ сердцу, какъ одну изъ главнѣйшихъ своихъ гражданскихъ обязанностей, не могло мириться съ такимъ учительствомъ. Ему принадлежалъ починъ въ дѣлѣ устроенія учительскихъ семинарій, школъ, съѣздовъ и курсовъ. Мнѣ уже приходилось упоминать о новгородской учительской семинаріи, съ бар. М. О. Косинскимъ во главѣ; здѣсь упомяну о женскихъ учительскихъ школахъ—въ Твери (Максимовича) и въ Костромѣ. Какъ на одно изъ сильныхъ и, сравнительно, скорыхъ средствъ для возможнаго усовершенствованія учительскаго персонала и учебно-воспитательнаго дѣла въ земскихъ школахъ, число которыхъ росло съ каждымъ годомъ, земство смотрѣло на учительскіе *сѣзды*. Они не только просвѣтляли педагогическія понятія учителей, знакомили ихъ съ правильными методами обученія, но и подымали ихъ духъ, воодушевляли и объединяли это учительство, разбросанное по глухимъ селамъ и деревнямъ,

лишенное всякаго общенія съ культурнымъ міромъ, съ интеллигентными людьми и между собою. И вотъ — учительскіе съѣзды стали очень распространеннымъ явленіемъ во всѣхъ концахъ Россіи — темной, безграмотной, невѣжественной, но пробудившейся отъ долгаго сна, жаждущей свѣта и живого дѣла. Отсутствіе преувеличенной регламентаціи давало полную возможность такъ организовать эти съѣзды, чтобы они отвѣчали живымъ потребностямъ школы, учительства и жизни, чѣмъ обуславливалась ихъ продуктивность. Достаточно вспомнить объ извѣстныхъ съѣздахъ на югѣ, которые были организованы барономъ *Н. А. Корфомъ*, превосходно поставившимъ земскую школу въ своемъ александровскомъ уѣздѣ (екатеринославской губерніи): никакая учительская семинарія, руководимая чиновниками не можетъ дать работникамъ школы, того, что давали эти съѣзды, возбуждавшіе въ нихъ энергію, воодушевленіе и учительское творчество, т.-е. тѣ живыя силы, безъ которыхъ невозможно удовлетворительное выполнение учебно-воспитательнаго дѣла.

Тогда учительскіе съѣзды организовались безъ всякихъ препятствій, почти «явочнымъ»

порядкомъ, по той программѣ, какая вырабатывалась приглашеннымъ руководителемъ по соглашенію съ пригласившимъ его земствомъ, безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ чиновниковъ, очень мало его понимавшихъ. Чиновникъ обыкновенно молчаливо присутствовалъ на занятіяхъ съѣзда, съ званіемъ «наблюдателя», — больше для проформы, не рискуя вмѣшиваться въ эти занятія. Оно и понятно: это были чиновники не только безъ всякихъ педагогическихъ идей и знаній, но и вообще малообразованные, лишенные всякаго нравственнаго вліянія на подчиненное имъ учительство. А руководителей земство избирало изъ лицъ болѣе или менѣе компетентныхъ, авторитетныхъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, внушающихъ довѣріе мѣстнымъ людямъ, вродѣ бар. *Н. А. Корфа* или *В. И. Водовозова*. Понятно, что на такомъ руководителѣ всецѣло и лежала вся руководящая работа, а наблюдатель-чиновникъ поневолѣ игралъ совершенно пассивную, говоря по правдѣ — довольно жалкую роль; на него никто не обращалъ вниманія, да и самъ онъ благоразумно не претендовалъ на активное участіе въ занятіяхъ, превышающихъ его пониманіе; а если это былъ человекъ совѣстливый,

не вовсе лишенный такта и благороднаго самолюбія, то онъ прямо устранялся, вполнѣ полагаясь на руководителя и не ставя въ неловкое положеніе своего синяго виць-мундира со свѣтлыми пуговицами. Тогда у насъ еще не выработался типъ оффиціального педагогическаго аргуса, полагающаго, что одно званіе уже дѣлаетъ его компетентнымъ педагогомъ, и наивно смѣшивающаго педагогическое дѣло съ полицейскимъ. Задатки этого типа появились очень скоро: они лежали въ ветхозавѣтныхъ дореформенныхъ традиціяхъ еще далеко не вывѣтрившихся у насъ и по сію пору. Но полная выработка этого типа относится къ 90-мъ годамъ; замѣчательные экземпляры его я наблюдалъ: въ 1897 году въ Тамбовѣ и въ 1902 г. въ Воронежѣ.

Послѣ московскаго съѣзда 1872 года, въ число лицъ, облеченныхъ лестнымъ довѣріемъ земства и оффиціально признаваемыхъ надежными «учителями учителей», попалъ и я, многогрѣшный. Съ 1873 года на меня со всѣхъ сторонъ посыпались земскія предложенія — принять на себя руководство съѣздомъ народныхъ учителей и учительницъ.

Приглашенія эти поставили меня въ необхо-

димось немедленно рѣшить два существенные вопроса: во-первыхъ, принимать ли подобныя предложенія, насколько возможно выполненіе ихъ сообразно съ временемъ и силами, какими я располагаю, т.-е. запрягаться ли въ упряжку «учителя учителей»; во-вторыхъ, если «да», то какую программу слѣдуетъ признать наиболее соотвѣтствующей *современнымъ* потребностямъ школы, чтобы честно послужить дѣлу народнаго образованія?

Первый вопросъ рѣшался утвердительно внутреннимъ влеченіемъ, которое побѣдить или заглушить было прямо невозможно: дѣло это властно манило меня къ себѣ, и я не въ силахъ былъ уклониться отъ роли «учителя учителей», разъ испытавши ея сладость, увѣровавъ и въ свою способность къ этому дѣлу, и въ полезность этого дѣла, какъ я его понималъ.

Конечно, изъ многихъ предложеній приходилось останавливаться только на нѣкоторыхъ,—на всѣ у меня не хватило бы ни времени, ни силъ.

Первый провинціальный съѣздъ я провелъ въ *Костромѣ*, лѣтомъ 1873 года, и подготовка къ этому съѣзду повела къ возможно основательному рѣшенію вопроса о программѣ за-

нятії. На этой программѣ я долженъ остано-
виться, потому что она послужила мнѣ *схемой*
для цѣлаго ряда съѣздовъ, происходившихъ
подъ моимъ руководствомъ. Только *схемой*,
потому что содержаніе рубрикъ не могло оста-
ваться безъ измѣненій изъ года въ годъ, въ
зависимости какъ отъ разнообразія условій и
потребностей школы и учительства, такъ и отъ
постояннаго движенія впередъ учебно-воспи-
тательнаго дѣла, какъ искусства, въ основу
котораго полагаются болѣе или менѣе прочно
установленныя научныя положенія. Особенно
важное значеніе здѣсь имѣли успѣхи психо-
логіи: черезъ нѣсколько лѣтъ отъ Бенеке, на
котораго у насъ опиралась теорія учебно-воспи-
тательнаго искусства въ 60-хъ и 70-хъ годахъ,
ничего не осталось. Содержаніе рубрикъ съ
каждымъ годомъ измѣнялось, но схема сохра-
нялась и, какъ я думаю, будетъ сохраняться
по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока всякіе
спеціально-педагогическіе съѣзды и курсы, въ
силу живой потребности, не замѣнятся обще-
образовательными. Начало такой замѣнѣ бли-
стательно положено павловскими курсами, и
этому нельзя не порадоваться, потому что
наше современное учительство уже далеко не

то, что было четверть вѣка тому назадъ: главною его потребностью, имъ самимъ сознаною, стало расширение и пополнение общаго образованія, научнаго знанія, которымъ слишкомъ скудно надѣляютъ его наши убогія учительскія семинаріи.

Выработанная мною программа занятій, при обдумываніи которой я имѣлъ въ виду примѣръ московскаго съѣзда, съ его достоинствами и недостатками, была такова ¹⁾:

1. *Теоретическія* занятія въ формѣ живыхъ изложеній и бесѣдъ по вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла, съ выясненіемъ научныхъ положеній, служащихъ обоснованіемъ его. Вотъ эти-то изложенія всего болѣе подлежали измѣненіямъ и переработкамъ по мѣрѣ того, какъ оказывалось возможнымъ усиливать ихъ серьезность и научный характеръ. Тотъ, преимущественно, такъ сказать «рецептурный», дидактическій и методическій матеріаль, ко-

---

¹⁾ Прошу извиненія у читателей за нѣкоторыя подробности моихъ теоретическихъ изложеній, здѣсь допущенныя. Говоря о своей дѣятельности, какъ „учителя учителей“, я долженъ же, хоть въ самыхъ существенныхъ чертахъ, показать, чему я старался научить своихъ многочисленныхъ (болѣе 4-хъ тысячъ) учениковъ-учителей. Впрочемъ, я стараюсь не злоупотреблять вниманіемъ читателей.

торый давали московскія лекціи, мало-по-малу утрачивалъ свое значеніе, когда ряды учительства стали пополняться людьми съ порядочной, хотя бы исключительно спеціальной, подготовкой. Все настойчивѣе и очевиднѣе проявлялась необходимость въ установленіи и разъясненіи научныхъ положеній психологіи и логики для прочнаго обоснованія практики учебно-воспитательнаго дѣла—не въ методическихъ деталяхъ, не въ смыслѣ приѣмовъ обученія учительской техники, а въ его существенныхъ чертахъ, для возбужденія самодѣятельной педагогической мысли и учительскаго творчества.

Такъ какъ моею спеціальностью всегда было преподаваніе родного языка, то понятно, что именно на этой сторонѣ учебно-воспитательнаго дѣла, главнымъ образомъ, и сосредоточивалось мое вниманіе, а именно—на выработкѣ и разъясненіи основныхъ положеній для правильной постановки въ школѣ: обученія грамотѣ, чтенія, словесныхъ упражненій и грамматическихъ занятій. Послѣдовательно и неуклонно стремился я, чтобы процессъ *обученія грамотѣ* входилъ въ общую систему занятій роднымъ языкомъ, чтобы уроки грамоты

непремѣнно были и уроками родного языка. Точно также я стремился, чтобы главнымъ предметомъ изученія на урокахъ родного языка и былъ этотъ самый *языкъ*, а не мертвая шаблонная грамматика и условная орѳографія, а главными занятіями—*чтеніе* и живыя *словесныя упражненія*, устные и письменныя, но не пустословныя, а непремѣнно содержательныя; чтобы школьное чтеніе, въ связи съ бесѣдами нагляднаго характера, обогащало дѣтей народа *реальными знаніями* и научало ихъ пользоваться книгой для пріобрѣтенія знаній; чтобы главнымъ и преобладающимъ письменнымъ упражненіемъ въ школѣ были—не диктовка, не списываніе, а *сочиненія*, т.-е. свободное и сознательное изложеніе своихъ знаній, мыслей, чувствованій, желаній. Я убѣжденно и рѣзко возставалъ противъ неблагоразумной погони въ народной школѣ за отзубриваніемъ грамматики и за правописаніемъ,—погони, которая непроизводительно отнимаетъ массу дорогого времени. Рекомендую самую краткую программу грамматическаго матеріала, преимущественно имѣющаго не орѳографическое, а *образовательное* значеніе, я неуклонно настаивалъ на примѣненіи къ разработкѣ этого матеріала

индуктивнаго метода. Не вдаваясь въ детальную разработку этихъ основныхъ положеній въ теоріи, ограничиваясь только достаточнымъ обоснованіемъ и развитіемъ ихъ, я однако же постоянно иллюстрировалъ ихъ моими уроками въ школѣ, стараясь давать не образцы для копированія или подражанія, а только матеріаль для возбужденія въ слушателяхъ самодѣятельной мысли и учительскаго творчества. Впослѣдствіи въ этомъ дѣлѣ мнѣ много помогли выводы психологіи вообще, *экспериментальной* психологіи особенно: въ ней я нашелъ прочное обоснованіе для моихъ существеннѣйшихъ дидактическихъ положеній, которыя безъ такой опоры могли представляться только произвольными рецептами или *смѣлыми* догадками.

2. *Практическія* занятія въ формѣ примѣрныхъ уроковъ въ школѣ, организованной по преобладающему типу мѣстной школы, — впрочемъ, уроковъ ни для кого не обязательныхъ, кромѣ руководителя. Я считалъ для себя обязательнымъ давать значительное число такихъ уроковъ въ видѣ живой иллюстраціи къ теоретическимъ изложеніямъ, сопровождая свои уроки объясненіями и обсужденіями: но обязывать такими уроками курсистовъ — по

очереди или по назначенію — не признавалъ и не признаю цѣлесообразнымъ. Во-первыхъ, живые уроки возможны только по внутреннему влеченію, а не по наряду. Во-вторыхъ, уроки на съѣздѣ, при многолюдномъ собраніи, требующіе нѣкоторой привычки, самообладанія и увѣренности въ себѣ, не для всякаго возможны: для человѣка застѣнчиваго и нервнаго, не обладающаго достаточною внутреннею силой, чтобы преодолѣть свою застѣнчивость и нервность, они истинное страданіе, въ нѣкоторомъ родѣ — жестокая и вовсе *ненужная* пытка. Въ самомъ дѣлѣ, на что она нужна? Вѣдь урокъ, данный передъ съѣздомъ, не имѣетъ цѣлью испытаніе учителя, потому что это было бы совершенно бессмысленное испытаніе, которое сплошь да рядомъ бойкаго смѣльчака возвеличивало бы надъ дѣльнымъ скромнымъ работникомъ. Не можетъ быть цѣлью его и наученіе практиканта, потому что одинъ урокъ, данный передъ съѣздомъ, ничему научить не можетъ, какой бы обстоятельною критикой, какимъ бы приговоромъ онъ ни сопровождался. Кстати о *приговорахъ*. Меня всегда удивляла манера нѣкоторыхъ руководителей, во-первыхъ, освободить отъ сво-

бодного обсужденія собственные уроки, во-вторыхъ, такъ ставить бесѣды объ урокахъ практикантовъ, какъ будто учитель—подсудимый, котораго надо въ чемъ-то обвинить или оправдать. Такъ, на примѣръ, было поставлено дѣло въ Воронежѣ въ 1902 году.

Правда, что руководительскіе уроки, изъятые изъ обсужденія, какъ мнимое совершенство, здѣсь были, безъ преувеличенія, ниже всякой критики. Можетъ быть, именно потому-то они и были гарантированы отъ свободнаго обсужденія, хотя насмѣшливое отношеніе къ нимъ аудиторіи все-таки прорывалось очевидно: «шила въ мѣшкѣ не утаишь». Но зато уроки учителей-практикантовъ сопровождались самыми рѣшительными и безапелляціонными приговорами, такъ что обсужденіе больше походило на разборъ уголовнаго дѣла въ судѣ, нежели на педагогическую бесѣду.

На мой взглядъ, котораго я всегда держался, тутъ дѣло не въ приговорѣ объ отдѣльномъ урокѣ или отдѣльной личности. Даваніе уроковъ для такихъ приговоровъ, да еще по наряду, по распоряженію начальства, безъ права и возражать, и вносить въ свой урокъ

собственное учительское творчество, строго слѣдую данному шаблону,—дѣло столько же бесполезное, сколько жестокое. Если ужь нужны примѣрные уроки передъ многочисленнымъ собраніемъ, то или какъ живая иллюстрація къ теоретическимъ изложеніямъ, теряющимъ половину своего значенія безъ такой иллюстраціи, или какъ живой матеріалъ, какъ почва для педагогической бесѣды о тѣхъ или другихъ *общихъ* вопросахъ учебно-воспитательнаго дѣла, которая приводила бы къ *общимъ* же выводамъ, не возвеличивая и не унижая личности практиканта, великодушно побѣдившаго естественную застѣнчивость, такъ сказать, жертвующаго собой въ интересахъ общаго наученія, и устраняя всякую полемику личнаго характера. При правильной постановкѣ дѣла, при установленіи такого взгляда на примѣрные уроки, при устраненіи различія между уроками учителей и уроками руководителей, якобы стоящими выше критики, какъ нѣкое совершенство, при освобожденіи учителей отъ шаблоновъ, особенно шаблоновъ сомнительнаго качества, и отъ всякаго насилія,—недостатка въ лицахъ, желающихъ давать уроки, попытать свои силы и послужить

дѣлу общаго наученія, какъ я знаю по опыту, никогда не бываетъ, а уроки получаютъ, такъ сказать, «естественные», самостоятельные, приблизительно такіе же, какіе даются этими самыми практикантами у себя дома, въ своихъ школахъ, безъ всякой посторонней публики: это и полезнѣе для дѣла, и гораздо болѣе знакомитъ руководителя съ истиннымъ достоинствомъ, съ пониманіемъ своего дѣла, съ дѣйствительными потребностями учителей, какъ таковыхъ. Въ моей практикѣ мнѣ иногда случалось наталкиваться на попытки насилія со стороны наблюдателей-чиновниковъ, съ которыми и приходилось вступать въ пререканія, и въ послѣдствіи эта невинная свобода въ дѣлѣ даванія уроковъ была поставлена мнѣ въ вину, какъ «либеральному» руководителю. Съ нѣкоторою гордостью могу сказать, что я, несмотря на то, за всѣ тридцать лѣтъ моей дѣятельности, какъ «учителя учителей», оставался вѣренъ самому себѣ.

3. *Совѣщательныя* занятія въ формѣ свободныхъ бесѣдъ, подчиненныхъ только правиламъ порядка, охраняющаго свободу мнѣнія и слова каждой отдѣльной личности, интересы и благо общества и общаго дѣла. Содержаніе

совѣщаній: во-первыхъ, обсужденіе данныхъ уроковъ, во-вторыхъ, обменъ наблюденіями и мнѣніями по поводу прочитанныхъ рефератовъ и сообщеній по тѣмъ вопросамъ школьнаго дѣла, внѣкласснаго обученія, жизни и дѣятельности учителя, какіе наиболѣе интересуютъ и волнуютъ учительство. Рефераты и сообщенія приготовлялись или заблаговременно, или во время съѣзда и не подлежали цензурѣ наблюдателя, которая убила бы ихъ главное достоинство—искренность, и бесѣды по поводу ихъ представляли для всѣхъ особенный интересъ, а потому имѣли большое значеніе. Онѣ откровенно и правдиво раскрывали истинное положеніе мѣстной школы, съ ея учительствомъ, выясняли ея изъязны и болячки, нужды и потребности; онѣ сближали учительство, подымали его духъ, давали ему возможность «отвести душу», свободно толкуя о томъ, что всего болѣе его занимаетъ; онѣ приучали его свободно, правдиво, искренно высказываться. Но эти же бесѣды, главнымъ образомъ, давали всевозможнымъ недругамъ всякой, хотя бы и самой невинной, свободы оружіе противъ съѣздовъ, руководимыхъ независимымъ лицомъ, какимъ былъ я по отношенію къ министерству

нар. просв. Эти «Держиморды» насмѣшливо называли такія бесѣды «говорильней», удивляясь, какъ это возможно позволять народному учителю «говорить», тогда какъ онъ, по ихъ мнѣнію, долженъ только слушать и молчать. Особенно усердно металъ громы и молніи покойный Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а потомъ и кн. Мещерскій въ «Гражданинѣ». И, вѣдь, удалось-таки этимъ врагамъ говоренія и апостоламъ молчанія злобно задавить эти живыя учительскія собранія совершенно нелѣпыми правилами о краткосрочныхъ курсахъ, которыя появились въ 1875 году, но вошли въ силу, какъ нѣчто обязательное, только чрезъ десять лѣтъ. Мнѣ еще придется говорить о нихъ. Трудно *создать* живое дѣло, но для того, чтобы *убить* его, вовсе не требуется ни свѣтлаго ума, ни гражданскаго мужества.

Изъ массы чисто школьныхъ, педагогическихъ и методическихъ, вопросовъ, которые были предметомъ сообщеній, рефератовъ, обсужденій, особенно выдѣлялись, какъ вопросы, такъ сказать, самые «жгучіе»: объ отношеніи школы и учителя къ мѣстному населенію, объ установленіи общенія между учащими лицами,

о самообразованіи учителя, о его правовомъ положеніи, объ огражденіи его отъ матеріальной нужды, отъ произвола и насилій со стороны властнаго невѣжества. Говорилось горячо, правдиво, доказательно; дѣлались умѣренныя, но справедливыя заявленія и постановленія. Но все-таки эти «жгучіе» вопросы и черезъ двадцать лѣтъ оставались, и до сихъ поръ остаются такими же «жгучими» нерѣшенными вопросами...

Такова была *схема* для занятій съѣздовъ, выработанная мною, одобренная земствами, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, и въ свое время санкціонированная начальствомъ. По этой программѣ, съ необходимою переработкой содержанія рубрикъ, начиная съ 1873 года, кончая 1883-мъ, съ небольшимъ перерывомъ, когда мнѣ пришлось быть «изъятымъ» изъ числа благонадежныхъ руководителей, я провелъ съѣзды: въ Костромѣ два раза, въ Херсонѣ, въ Псковѣ два раза, въ Великихъ Лукахъ, въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ, въ Ирбитѣ и въ Шадринскѣ, всего девять съѣздовъ. Кромѣ того, въ 1881 году мнѣ случилось принимать участіе на съѣздѣ учителей и учительницъ въ С.-Петербургѣ: я излагалъ

основы обученія грамотѣ безъ книгъ, по составленнымъ мною стѣннымъ таблицамъ.

Особенно памятенъ мнѣ первый мой съѣздъ—въ *Костромѣ*, происходившій въ 1873 году, можетъ-быть, именно потому, что онъ былъ *первый*, что имъ начались мои педагогическія поѣздки по Россіи въ качествѣ вольнаго «учителя учителей».

Надо сказать, что то была пора свѣтлыхъ, такъ сказать, «весеннихъ» впечатлѣній, которыя не забываются. Тогда вся Россія жила полною жизнью. Жизнь кипѣла даже въ глухихъ провинціальныхъ городахъ. Всѣ вѣрили въ полное обновленіе и быстрое движеніе впередъ такъ долго стоявшаго на одномъ мѣстѣ отечества. Въ земскихъ учрежденіяхъ, какъ въ чемъ-то прочномъ, почти непоколебимомъ, видѣли несомнѣнный залогъ движенія впередъ—безповоротнаго и цѣлесообразнаго. Между прочимъ, всѣ рвались съ энтузіазмомъ отдать свои силы и средства на дѣло просвѣщенія и очеловѣченія массы освобожденнаго, но темнаго и невѣжественнаго народа, надѣясь просвѣщеніемъ довершить дѣло освобожденія. Такимъ стремленіемъ было одушевлено и ко-стромское земство, три года подъ-рядъ устраи-

вавшее учительскіе съѣзды и основавшее женскую учительскую школу по образцу такой же школы *Максимовича* въ Твери, и костромское дворянство, охотно открывшее для учительскихъ съѣздовъ роскошный залъ дворянскаго собранія, съ интересомъ слѣдившее за всѣми занятіями этихъ съѣздовъ. Первый учительскій съѣздъ, въ 1872 году, здѣсь велъ *В. И. Водовозовъ*; онъ умѣлъ возбудить въ мѣстномъ учительствѣ жажду знанія, стремленіе къ самоусовершенствованію, теплое отношеніе къ школѣ и къ учащимся, оставивъ по себѣ самую лучшую память, какъ многосторонне образованный и гуманный педагогъ, сподвижникъ Ушинскаго и Стоюнина. На мою долю выпало, сравнительно, болѣе легкое дѣло—продолжать то, чему уже было положено хорошее начало. Въ общемъ, занятія шли стройно и одушевленно; залъ былъ открытъ для всѣхъ желающихъ и всегда совершенно полонъ. Это присутствіе многолюдной и разнообразной публики отнюдь не мѣшало дѣлу, —напротивъ, оно отчасти служило коррективомъ, какъ драгоцѣнный общественный контроль, не обидный, не унижающій, а только сдерживающій; отчасти оно увеличивало подъемъ духа и одушевленіе учительства,

которое съ нѣкоторою гордостью сознавало и чувствовало себя предметомъ лестнаго общественнаго вниманія и общественной заботы. Это вниманіе, эта искренняя забота костромскаго общества 1873 года обнаружилась фактически вотъ по какому случаю.

Однимъ изъ «жгучихъ» вопросовъ, горячо обсуждавшихся на совѣщательныхъ занятіяхъ съѣзда, былъ вопросъ о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи учащихся лицъ — особенно на случай болѣзни, потери силъ, обученія дѣтей и т. под.

Надо сказать, что положеніе учащихся лицъ въ костромской губерніи тогда было совсѣмъ печальное; полученныя мною непосредственно изъ перваго источника свѣдѣнія показали, что учащія лица здѣсь получаютъ жалованья отъ 70 р. (?) до 200 р. въ годъ. Развѣ это не граничитъ съ нищетой и голоданіемъ? Свѣдѣнія, собранныя мною, я привелъ въ порядокъ и напечаталъ при отчетѣ о занятіяхъ съѣзда (см. приложение къ докладамъ управы очередному губернскому земскому собранію 1873 года, стр. 40—47). При осбужденіи сказаннаго вопроса возникла мысль основать «ссудо-сберегательную кассу народныхъ учите-

лей и учительницъ костромской губерніи». Избрали для обсужденія вопроса особую комиссію, выработали, обсудили и утвердили основныя положенія устава кассы.

Представители земства отнеслись къ дѣлу съ полнымъ сочувствіемъ и обнадежили денежною поддержкой со стороны земства, что впоследствии и оправдалось: губернское земство внесло въ кассу единовременно 1.500 рублей и *нѣкоторое* время ежегодно вносило въ нее по 500 р. Чтобы положить начало фонду кассы, безъ котораго она не могла бы функционировать, былъ устроенъ въ залѣ дворянскаго собранія литературно - вокально - музыкальный вечеръ съ участіемъ лучшихъ мѣстныхъ музыкальныхъ и вокальныхъ силъ и учительскаго хора, а также была открыта подписка. Мѣстное общество сочувственно отозвалось на это благое дѣло: въ числѣ исполнителей, рядомъ съ народными учителями, охотно выступали представители провинціальной аристократіи; билеты разбирались на расхватъ, несмотря на лѣтнее глухое время и на выселеніе многихъ мѣстныхъ жителей за-городъ; подписка шла бойко, — и въ концѣ концовъ, при крайней умѣренности цѣнъ, въ пользу кассы, за всѣми

расходами, очистилось 733 р. 50. Основные положенія устава и денежный отчетъ см. въ томъ же приложеніи, стр. 47—49.

Если бы постановленія съѣзда были приведены въ исполненіе безъ оттяжекъ, къ которымъ вообще такъ склонны русскіе люди, очень часто горячо хватаясь за дѣло, но быстро охлаждаемая, то костромская касса была бы чуть ли не первою въ Россіи кассой взаимопомощи народныхъ учителей и учительницъ.

Къ сожалѣнію, осуществленіе ея послѣдовало чуть ли не черезъ десять лѣтъ, а велась она настолько секретно и халатно, что мѣстное учительство только случайно узнало въ 1902 году о томъ, что у него четверть вѣка существуетъ какая-то касса; нашли и распорядителя-кассира, но не могли добиться никакихъ свѣдѣній о состояніи и дѣятельности кассы, основаніе которой было задумано съ такой горячностью и встрѣтило такое живое сочувствіе въ мѣстномъ земствѣ и обществѣ. Были деньги, была касса, а теперь ихъ нѣтъ, — вотъ и вся недолга... Вся эта поучительная исторія костромской учительской кассы изложена обстоятельно г. Насимовичемъ во 2-мъ № журнала «Русскій Начальный Учитель» за

1903 г. въ отвѣтъ на мой вопросъ, напечатанный въ газетѣ «Сѣверный Край».

Подобная же и еще болѣе грустная судьба постигла костромскую женскую учительскую школу, превосходно задуманное и организованное учрежденіе, къ которому земство въ 1873 году относилось съ такой заботливостью и съ такими свѣтлыми упованіями. Во главѣ школы стояла чрезвычайно энергическая и талантливая начальница, выбранная земствомъ, которая умѣла собрать около себя кружокъ учительницъ, горячо преданныхъ дѣлу и хорошо понимающихъ его. Эти учительницы принимали живое участіе во всѣхъ занятіяхъ съѣзда, интересовались ими, давали истинно «образцовые» уроки въ школѣ, сближались съ учительствомъ и оказывали на него самое благотворное вліяніе. Работницы онѣ были замѣчательныя, одушевленные и неутомимыя.

Мнѣ очень бы хотѣлось назвать по имени всѣхъ членовъ этого интереснаго интеллигентнаго кружка, которыхъ я никогда не забуду; но, не зная ихъ дальнѣйшей судьбы, я не считаю себя вправѣ сдѣлать это... Воспитанницы школы, тоже посѣщавшія занятія съѣзда, производили самое пріятное впечатлѣніе, и я

смѣло предсказывалъ блестящую будущность этому учрежденію, убѣжденный, что оно дастъ костромской народной школѣ контингентъ превосходныхъ учительницъ. Въ слѣдующемъ же году, опять руководя костромскимъ съѣздомъ народныхъ учителей и учительницъ, я имѣлъ возможность убѣдиться, что мои предсказанія не были ошибочны. Состоялся первый выпускъ молодыхъ дѣвушекъ, окончившихъ курсъ школы. Какъ кандидатки на учительскія мѣста въ земскихъ школахъ, эти молодыя дѣвушки давали пробные уроки при съѣздѣ, — и что же это были за уроки! Прежде всего — въ нихъ очевидно сказывалась солидность, прочность, отчетливость знаній, вынесенныхъ изъ школы, — эти необходимыя качества, дѣлающія человѣка способнымъ передавать свое знаніе ученикамъ просто, ясно, послѣдовательно. Затѣмъ — нѣкоторый недостатокъ учительской техники, приобретаемой подражаніемъ и практикой, въ этихъ урокахъ блистательно замѣнялся учительскимъ творчествомъ и самодѣтельной работой зрѣлой мысли, безъ сомнѣнія, стоящихъ гораздо выше подражанія и, такъ называемой, «опытности», которая часто прикрываетъ совершенную безсодержа-

тельность и полное равнодушіе къ дѣлу. У меня до сихъ поръ передъ глазами стоитъ поистинѣ образцовый урокъ *О. Н. Яблоковой*, худенькой и нервной молодой дѣвушки, вложившей въ этотъ урокъ всю душу свою: не знаю, что случилось съ этой молодой дѣвушкой, гдѣ она теперь и жива ли, но образъ ея неизгладимо запечатлѣлся въ моей памяти... Если бы да въ русской народной школѣ побольше было такихъ учительницъ!.. Но увы! — тогда судьба костромской женской учительской школы уже висѣла на волоскѣ. Въ Кострому явился новый чиновникъ-живоглотъ со всѣми задатками того типа, о которомъ я упомянулъ, и противъ школы началась настоящая травля. Симпатичная начальница уѣхала — и больше уже не возвращалась въ Кострому. «Живоглотъ» съ глазами «завидущими», и съ руками «загребущими», съѣлъ безъ соли самое лучшее созданіе костромского земства...

Вѣчная ему память, т. е. не живоглоту, благополучно процвѣтающему и понынѣ, а слишкомъ рано угасшему земскому созданію!

Въ Херсонѣ и Псковѣ я засталъ первое основаніе казенныхъ учительскихъ семинарій со всѣми специфическими свойствами казен-

ныхъ учрежденій, да еще созданныхъ гр. Д. А. Толстымъ: убогая общеобразовательная программа; преподаватели безъ всякаго знакомства съ дѣломъ, съ народной жизнью и съ народной школой; мертвый бюрократическій режимъ; во главѣ не педагогъ, а чиновникъ,—чего можно было ожидать? Къ счастью, тогда у насъ еще были благопріятныя вліянія жизни, выводившія даровитыхъ юношей на путь самообразованія...

Учительство херсонской губерніи, при всей его пестротѣ, представляло, въ общемъ, хорошо настроенную толпу работниковъ, воодушевленныхъ вѣрой въ свое дѣло, искренней жаждой учить и учиться; ядро его составляла группа молодежи, добровольцевъ обоего пола, отдававшихъ свои силы народной школѣ изъ безкорыстнаго стремленія служить дѣлу народнаго образованія.

Много ниже стояло псковское учительство, представлявшее довольно сѣренькую массу. Но оба земства были не менѣе, если не болѣе, воодушевлены благими стремленіями, какъ и костромское, и къ занятіямъ съѣзда относились съ большими заботами и надеждами, какъ и вообще мѣстное общество; залъ дворянскаго

собранія и въ Псковѣ, и въ Херсонѣ всегда былъ открытъ для всѣхъ желающихъ и переполненъ.

Въ Псковѣ необыкновенно трогательное впечатлѣніе производилъ высокій красивый слѣпой старецъ съ длинной сѣдой бородой, котораго вводила въ залъ подъ руку внучка— молодая дѣвушка, народная учительница. При входѣ его въ залъ, все многолюдное общество почтительно вставало. Онъ привѣтливо раскланивался, занималъ мѣсто въ переднемъ ряду и съ какимъ-то сосредоточеннымъ радостнымъ интересомъ прислушивался къ занятіямъ.

Это былъ возвращенный декабристъ Михаилъ Александровичъ *Назимовъ*... Потерявшій зрѣніе, онъ, однако же, всею душою участвовалъ въ земской дѣятельности и вносилъ въ нее не мало свѣта, правды добра. То, что дѣлалось тогда на Руси, казалось ему живымъ осуществленіемъ его юношескихъ мечтаній, за которыя онъ заплатилъ цѣною всей своей жизни, и онъ вѣрилъ въ прочность, въ послѣдовательное, неуклонное развитіе тѣхъ начинаній, до конца жизни сохранивъ юношескую способность безпредѣльно вѣрить, любить и надѣяться. Смерть избавила этого старца-юношу

отъ горькихъ разочарованій, которыя грозили ему не въ далекомъ будущемъ.

Когда мнѣ пришлось вторично руководить учительскимъ съѣздомъ въ Псковѣ черезъ восемь лѣтъ, мнѣ бросилось въ глаза очевидное движеніе впередъ псковской народной школы и ея учительства. Это была пора новаго возбужденія въ русскомъ обществѣ и въ земствѣ интереса къ народной школѣ и заботы о народномъ образованіи, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ печальнаго охлажденія и застоя, — возбужденія, которое у насъ проявляется время отъ времени какими-то симптоматическими, яркими взрывами, иногда скоропреходящими и почти безслѣдными, иногда, напротивъ, довольно продолжительными и весьма плодотворными въ смыслѣ результатовъ, даже при весьма неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ; таково, кажется, общественное возбужденіе, которое мы переживаемъ нынѣ.

Видными дѣятелями въ псковскомъ земствѣ тогда были: покойный *Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ*, предсѣдатель губернской управы *Н. А. Беклешовъ*, и предсѣдатель уѣздной управы *Д. И. Ивановъ*. Явно замѣчалось особенное оживленіе и въ обществѣ, и въ земствѣ, и въ учитель-

ствѣ, совершенно обновившемся за восемь лѣтъ. Особенное вниманіе было обращено на снабженіе школъ наглядными учебными пособіями.

Я всегда имѣлъ обыкновеніе привозить съ собою на съѣзды большую коллекцію такихъ пособій, знакомить съ ними учителей и учительницъ, практиковать ихъ въ школѣ на урокахъ. Кромѣ того, очень много пособій было привезено на псковскій съѣздъ изъ Петербурга книгопродавцемъ *Надъинымъ* и содержателемъ типографіи *Котоминымъ*, псковскими уроженцами и друзьями мѣстнаго земства. Я усердно пропагандировалъ приготовленіе учебныхъ пособій самими учителями, и одинъ изъ мѣстныхъ учителей познакомилъ товарищей съ очень остроумною электрической машиной, искусно приготовленной имъ изъ простой бутылки.

Не могу не упомянуть объ одной особенности съѣздовъ великолукскаго и псковскаго, которая, по ихъ примѣру, въ послѣдствіи такъ распространилась, что стала общею, практикуется и нынѣ, только ужъ не на съѣздахъ, а на курсахъ. Объ этой особенности я въ свое время писалъ въ газетѣ «Голосъ», рекомендуя ее для подражанія въ интересахъ дѣла;

и моя рекомендація, какъ видно, не прошла безъ послѣдствій. Я имѣю въ виду благоустроенныя *общешитія* для собравшихся въ городъ учителей и учительницъ. Первое показало примѣръ великолукское уѣздное земство. Обыкновенно земства, устраивая съѣздъ, выдавали учителямъ и учительницамъ на содержаніе суточные деньги, отъ 50 к. до 1 р. въ сутки, предоставляя каждому устраивать свою жизнь, какъ ему угодно. Если бы даже и можно было предположить, что этихъ денегъ хватить на пріисканіе удовлетворительнаго помѣщенія со столомъ въ чужомъ, для многихъ совершенно незнакомомъ городѣ, — все-таки на долю учителей и учительницъ падало не мало весьма непріятныхъ и торопливыхъ заботъ и хлопотъ въ такое время, когда предстояла серьезная работа, требующая сосредоточенности и большого умственного напряженія: бѣгать по городу, торговаться, рассчитывать, все это наскоро, второпяхъ, лишь бы какъ нибудь устроиться къ началу занятій, — и въ концѣ концовъ все-таки жить кое-какъ, съ большими неудобствами и съ плохимъ питаніемъ. Предвидя это и заботливо относясь къ учительству, великолукская земская управа приготовила въ

городѣ два общежитія: одно для учительницъ, другое для учителей, съ хорошими кроватями, чистымъ бѣльемъ, умываньемъ, чаемъ и проч., поручивъ завѣдываніе хозяйствомъ лицамъ, избраннымъ обществомъ, устроило хорошій общій обѣдъ въ городскомъ благородномъ собраніи. По окончаніи утреннихъ занятій, въ третьемъ часу, всѣ собирались къ общему обѣду изъ трехъ блюдъ, питательныхъ и вкусно приготовленныхъ, а вечеромъ, въ 7 или 8 часовъ, окончивъ рабочій день, всѣ вмѣстѣ пили чай въ особомъ залѣ при помѣщеніи съѣзда; за чаемъ и послѣ чая шла оживленная бесѣда, иногда хоровое пѣніе. Такимъ образомъ, всѣ собравшіеся въ городѣ учителя и учительницы, во-первыхъ, были избавлены въ чужомъ городѣ отъ всякихъ хозяйственныхъ заботъ и мелочей, могли совершенно спокойно сосредоточиться на томъ дѣлѣ, ради котораго собрались; во-вторыхъ, они весь день проводили вмѣстѣ, что много способствовало ихъ сближенію, свободному обмѣну мыслей и многимъ соглашеніямъ, весьма важнымъ для успешнаго и дружнаго хода работы, напр., распредѣленію уроковъ, составленію сообщеній и докладовъ для товарищескаго обсужденія, обработкѣ про-

токоловъ, выясненію разныхъ вопросовъ, установленію мнѣній и опредѣленій по этимъ вопросамъ, выбору секретарей и тому под.

Примѣру великолукскаго земства послѣдовало и псковское, хотя здѣсь устроить общежитіе было труднѣе, потому что предстоялъ съѣздъ гораздо болѣе многолюдный, нежели въ Великихъ Лукахъ; все же и въ Псковѣ заботливому земству удалось устроить и хорошія общежитія, и общій обѣдъ въ городскомъ саду, и оживленныя вечернія собранія, собиравшія учительство и облегчавшія соглашенія его по спорнымъ вопросамъ.

Много своеобразнаго и симпатичнаго пришлось мнѣ наблюдать въ постановкѣ народнаго образованія въ пермской губерніи, руководя съѣздами въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ (верхотурскій уѣздъ), въ Ирбитѣ и Шадринскѣ.

Вообще, эта губернія, широко раскинутая по обѣ стороны Уральскаго хребта, съ ея горнозаводскою промышленностью, рудниками и заводами, представилась мнѣ совершенно своеобразнымъ краемъ, сравнительно со всѣми другими губерніями Европейской Россіи, въ которыхъ мнѣ случилось бывать въ качествѣ

«учителя учителей». Начать съ того, что въ ней не оказалось вовсе дворянскаго элемента, съ его все еще сильными барскими традиціями, и ея земство въ тѣ времена, въ началѣ 80-хъ годовъ, еще было чисто-крестьянское земство, которое организовало и земскую медицину, и народную школу прямо для себя, почему врачебное и школьное дѣло тамъ и было поставлено практично, своеобразно и прочно. Я укажу на нѣкоторыя интересныя и оригинальныя явленія въ дѣлѣ народнаго образованія, которыя обратили на себя особенное вниманіе въ этой губерніи во время происходившихъ тамъ подъ моимъ руководствомъ съѣздовъ.

Прежде всего, мнѣ нигдѣ еще въ то время не приходилось наблюдать такого преобладанія учительницъ надъ учителями, — преобладанія не только количественнаго, но и качественного. Впослѣдствіи такое преобладаніе сдѣлалось почти всеобщимъ, но въ 80-хъ годахъ оно было особенностью въ пермской губерніи, въ которой тогда не было ни одной учительской семинаріи (можетъ быть, нѣтъ и теперь?). Между учительницами были и воспитанницы с.-петербургской земской учительской школы,

очень развитыя и хорошо подготовленныя, и институтки, и воспитанницы пермской женской гимназіи, и камышловскія прогимназистки, и получившія домашнее образованіе.

Но истиннымъ разсадникомъ народныхъ учительницъ, хорошо понимающихъ и съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ исполняющихъ свое дѣло, для этого края тогда служила екатеринбургская женская гимназія, въ которой держались еще благородныя традиціи 60-хъ годовъ. Она дала много не только отличныхъ учительницъ для школъ екатеринбургскаго, ирбитскаго, шадринскаго, верхотурскаго уѣздовъ, но и стойкихъ подвижницъ народной школы, отдавшихъ ей всю свою жизнь, всѣ свои силы. Особенно выдавались своею стойкостью и своими заслугами сестры Августа и Елизавета Михайловны *Буторины*, къ мнѣніямъ которыхъ, всегда дѣльнымъ, обдуманномъ и послѣдовательнымъ, прислушивались — и земство, и даже инспекція. Выросшія въ богатой семьѣ, онѣ вынесли изъ гимназіи честныя, идеальныя стремленія, отреклись отъ всѣхъ соблазновъ богатой праздной жизни и, противъ воли родителей, ушли работать въ народную школу, одна въ ирбитскій, другая въ шад-

ринскій уѣздъ. Послѣдняя непосильнымъ трудомъ надорвала свои силы и въ 90-хъ годахъ умерла въ чахоткѣ; первая сильно приуныла послѣ смерти сестры, однако, не отказалась отъ своего дѣла, работая, насколько хватало силъ, но съ грустью замѣчала, что дѣло народнаго образованія, которому она отдала свою жизнь, въ ея родномъ краю замѣтно опускается вслѣдствіе иного строя и духа земскихъ учрежденій... Екатеринбургскія гимназистки тогда съ особенною охотой шли работать въ народную школу, предпочитая ее гимназіи или прогимназіи, — и это не слабыя ученицы, съ грѣхомъ пополамъ дотянувшія гимназическій курсъ, а самыя лучшія, самыя даровитыя и сильныя. Онѣ работали съ энергіей, съ настойчивостью, даже съ самоотверженіемъ, мирясь и съ одиночествомъ въ деревенской глуши, и съ неблагопріятными санитарно-гигіеническими условіями, которыми, къ сожалѣнію, страдали школы ирбитскаго и шадринскаго уѣздовъ; верхотурскій въ этомъ отношеніи ушелъ впередъ... На сѣздахъ Буторины, конечно, были самыя дѣятельными участницами. Я особенно любилъ встрѣчаться съ ними въ квартирѣ ихъ товарки по гимназіи,

Евгениі Павловны *Серебренниковой*, извѣстной женщины-врача, которая одно время жила въ Ирбитѣ. Эта замѣчательная идеалистка, въ послѣдствіи возвратившая зрѣніе тысячамъ пермяковъ, преждевременно сошедшая въ могилу въ 90-хъ годахъ, тоже вышла изъ екатеринбургской женской гимназіи и до конца жизни не порывала дружеской связи со своими товарками по гимназіи, особенно учительницами, ободряя и поддерживая ихъ въ честномъ служеніи народу.

Въ занятіяхъ ирбитскаго съѣзда она принимала самое живое участіе, насколько это было возможно для лица, не состоящаго въ числѣ работниковъ школы. Впрочемъ, она имѣла ту непосредственную прикосновенность къ занятіямъ съѣзда, что помогала своему мужу, доктору Павлу Николаевичу *Серебренникову*, который читалъ учителямъ и учительницамъ курсъ школьной гигиены, иллюстрируя его физическими и химическими экспериментами. Задушевныя бесѣды въ кружкѣ *Серебренниковыхъ*, вовсе не замкнутомъ, а доступномъ для всего учительства, или у нихъ въ квартирѣ, или за городомъ («въ полѣ», по мѣстному выраженію) вокругъ самовара, были одною

изъ самыхъ свѣтлыхъ и благотворныхъ сторонъ учительскаго съѣзда въ Ирбитѣ. Въ Шадринскѣ подобное значеніе принадлежало собраніямъ въ квартирѣ А. М. Буториной... Да, екатеринбургская женская гимназія большую роль сыграла для пермскаго края, особенно для его народной школы...

Въ средѣ учителей, принимавшихъ участіе на пермскихъ съѣздахъ, обращали на себя невольное вниманіе замѣчательные образчики самоучекъ изъ крестьянъ, прошедшихъ народную школу, достигшихъ значительнаго умственнаго развитія и овладѣвшихъ порядочнымъ запасомъ научнаго знанія путемъ самообразованія. Они пріобрѣли учительскія права экзаменомъ и работали въ земскихъ школахъ съ беззавѣтною любовью и съ полнымъ успѣхомъ, а на съѣздѣ давали не столько красивые и виртуозные, сколько дѣльные и содержательные уроки. Жажда знанія и живой работы на благо народу у этихъ учителей-самоучекъ изъ крестьянъ была поистинѣ изумительна. Одинъ изъ нихъ (не рѣшаюсь назвать его фамилію безъ спросу, а спросить не имѣю возможности) черезъ нѣсколько лѣтъ, желая поучиться кое-чему полезному, чтобы

потомъ поучить своихъ односельчанъ, пробрался въ смоленскую губернію къ покойному Энгельгардту, болѣе года работалъ у него какъ чернорабочій, потомъ, отправившись пѣшкомъ, съ котомкою за плечами, домой, *по пути* (это изъ смоленской-то губерніи въ пермскую!) зашелъ ко мнѣ въ воронежскій уѣздъ, чтобы повидаться, посмотреть мою школу и потолковать о Толстомъ, о школѣ и ея задачахъ, и т. под.; а черезъ два дня уже двинулся въ путь на Саратовъ, запасшись отъ меня письмомъ къ моему пріятелю, доктору. У этого доктора въ Саратовѣ была частная лечебница, такъ моему пермскому другу захотѣлось послужить въ этой лечебницѣ, чтобы поучиться ходить за больными и еще кое-чему, что ему пригодится для служенія народу въ качествѣ не только простаго учителя, а истиннаго просвѣтителя. И онъ дѣйствительно поступилъ служителемъ въ эту лечебницу, о чемъ самъ писалъ мнѣ изъ Саратова, но затѣмъ я потерялъ изъ виду этого замѣчательнаго юношу.

Мнѣ эти учителя-самоучки изъ крестьянъ представлялись своеобразнымъ типомъ русскаго народнаго учителя, близко стоящаго къ на-

родной жизни, изъ которой онъ вышелъ, насквозь проникнутаго ея интересами и страстно преданнаго дѣлу учительства — не въ узкомъ школьномъ, а въ широкомъ жизненномъ смыслѣ. Къ сожалѣнію, у насъ не цѣнятъ и не любятъ такихъ учителей, тогда какъ изъ нихъ-то, именно, можетъ быть, и могли бы выработаться истинные свѣтильники для русскаго народа, какихъ навѣрно не даетъ ему ни одна изъ нашихъ казенныхъ учительскихъ семинарій.

Пріятное впечатлѣніе производило на пермскихъ сѣздахъ то уваженіе къ личности народнаго учителя, какъ всѣми уважаемаго, всѣмъ дорогаго общественнаго дѣятеля, которое слишкомъ рѣдко встрѣчается у насъ. Едва ли гдѣ учительство, работающее въ народной школѣ, когда нибудь у насъ было поставлено такъ самостоятельно, какъ въ пермской губерніи, по крайней мѣрѣ—въ уѣздахъ ирбитскомъ и шадринскомъ. Учителя и учительницы ирбитскаго уѣзда въ тѣ времена избирали изъ своей среды представителей на земское собраніе, съ правомъ совѣщательнаго голоса. Эти представители непосредственно вносили въ собраніе доклады объ истинномъ положеніи, о нуждахъ.

и потребностяхъ мѣстной школы и мѣстнаго учителя, о мѣрахъ для улучшенія этого положенія, для удовлетворенія этихъ нуждъ и потребностей; они присутствовали при обсужденіи вопросовъ народнаго образованія, давали нужныя разъясненія, отстаивали интересы школы и учителя. Въ шадринскомъ уѣздѣ для той же цѣли существовала постоянная учительская комиссія изъ выборныхъ лицъ, постановленія которой поступали въ земское собраніе, какъ цѣнный матеріалъ при обсужденіи вопросовъ по народному образованію.

Послѣдствіемъ такой постановки дѣла являлись: дѣйствительное знакомство земскаго собранія съ положеніемъ, нуждами и потребностями мѣстной школы и мѣстнаго учительства, основательное обсужденіе вопросовъ по народному образованію, а слѣдовательно — и разумное рѣшеніе ихъ, наконецъ, возвышеніе нравственнаго достоинства учителя. Потому-то учительство здѣсь въ тѣ времена признавало себя не толпой наемниковъ, отбывающихъ урочную работу по найму, безгласныхъ и подневольныхъ исполнителей чужой воли, а нѣкоторою организованною корпораціей, выполняющей всѣми уважаемую общественную

земскую службу, обладающей правомъ своего мнѣнія и своего голоса въ исполняемой ею земской службѣ. Отсюда вытекали: и сравнительно лучшее матеріальное положеніе народнаго учителя, обеспеченнаго удовлетворительнымъ вознагражденіемъ за его трудъ, и прочность его на мѣстѣ, такъ какъ онъ въ значительной степени былъ огражденъ отъ всякаго личнаго произвола и усмотрѣнія, и теплое отношеніе его къ дѣлу. Здѣсь учителя и учительницы не смотрѣли вонъ, не убѣгали при первомъ соблазнительномъ случаѣ къ другому дѣлу, а всею душой привязывались къ учительству, рѣдко и неохотно покидали не только это дѣло, но и то село, ту деревню, ту школу, гдѣ работали нѣсколько лѣтъ,—даже въ виду выгоднаго перемѣщенія.

Такъ ли все это теперь, послѣ извѣстнаго преобразованія земскихъ учрежденій, которое на пермскомъ крестьянскомъ земствѣ должно было отозваться особенно чувствительно,—этого я не знаю. Думаю, что далеко не такъ...

Понятно, что совѣщательныя занятія на пермскихъ сѣздахъ, при такихъ условіяхъ, отличались особенною оживленностью. Пермскимъ учителямъ и учительницамъ было о

чемъ потолковать, было чѣмъ подѣлиться между собою, да они и умѣли, и не боялись высказываться. Однимъ изъ наиболѣе интересовавшихся, даже волновавшихъ ихъ вопросовъ въ то время былъ вопросъ о возможно широкомъ и быстромъ распространеніи толковой грамотности въ народѣ; этотъ вопросъ не менѣе интересовалъ и тогдашнее пермское земство. Въ верхотурскомъ уѣздѣ, еще въ 1881 году, въ этихъ видахъ былъ сдѣланъ опытъ «подвижной» школы, который, къ сожалѣнію, не удался. Земства ирбитскаго и шадринскаго уѣздовъ напали на другой способъ для достиженія цѣли, болѣе удобоисполнимый, болѣе практичный, какъ показалъ опытъ, и оба эти уѣзда, особенно шадринскій, были близки ко всеобщей грамотности, при томъ не безтолковой грамотности, какою владѣлъ Чичиковскій Петрушка, а къ сознательной и благородной, — но, увы! — благія начинанія земства были съ корнемъ вырваны обстоятельствами, отъ земства не зависящими.

Извѣстный циркуляръ министра нар. пр. барона Николаи, отъ 14 февраля 1882 года, установилъ, что «отъ лицъ, занимающихся домашнимъ обученіемъ грамотѣ въ селахъ, не

требуется учительскаго знанія», что полицейскія власти отнюдь не должны преслѣдовать такихъ «безправныхъ» учителей, хотя бы они производили обученіе дѣтей не въ одиночку, а группами, по словесному договору съ родителями, какъ это практикуется во многихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Циркуляръ г. министра и былъ вызванъ ходатайствомъ тотемскаго земскаго собранія, вологодской губерніи, «о возможномъ покровительствѣ закона домашнему обученію грамотѣ среди сельскаго населенія и о воспрещеніи мѣстной полиціи преслѣдовать такое обученіе»; это у насъ-то, въ нашемъ царствѣ безграмотности и невѣжества, — «преслѣдованіе обученія!» Конечно, это была традиція тѣхъ мрачныхъ временъ, когда грамотность и науку признавали дѣломъ вреднымъ и опаснымъ...

Опираясь на вышесказанный циркуляръ, — въ настоящее время, кажется, уже забытый, — учительство ирбитскаго и шадринскаго уѣздовъ предложило своимъ земствамъ придти на помощь домашнему обученію, придать ему нѣкоторую организацію, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать его успѣшности и удовлетворительности. Оно принимало на себя подго-

товку учителей и учительницъ изъ наиболѣе способныхъ учениковъ нормальныхъ земскихъ училищъ и руководящее наблюденіе за ихъ дѣятельностью. Оба земства съ готовностью откликнулись на инициативу своихъ учителей. Дѣло наладилось такъ: ученикъ или ученица нормальнаго земскаго училища, окончивъ съ успѣхомъ курсъ и заявивъ о желаніи заниматься домашнимъ обученіемъ, готовится къ этому дѣлу подъ руководствомъ своего учителя, а потомъ собираетъ вокругъ себя дѣтей своей деревни и обучаетъ ихъ—опять-таки подъ руководствомъ учителя ближайшаго нормальнаго земскаго училища, т. е. по большей части своего же учителя, который разъ или два въ недѣлю посѣщаетъ занятія, чтобы помочь своему бывшему ученику замѣчаніями, совѣтами и примѣромъ. Квартира, гдѣ собираются дѣти, отопленіе и освѣщеніе даются мѣстнымъ сельскимъ обществомъ, а земство снабжаетъ этого домашняго «безправнаго» учителя книгами, бумагой и другими учебными принадлежностями, а также вознаграждаетъ его трудъ въ размѣрахъ 6—7 рублей за мѣсяць.

Такое, такъ сказать, «организованное до-

машнее обученіе» вызвало полное сочувствіе со стороны мѣстнаго населенія. Надо сказать, что здѣсь потребность толковой грамотности въ народѣ чувствуется и сознается, можетъ быть, сильнѣе, нежели во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи, а населеніе разбросано, такъ что одно нормальное училище обслуживаетъ значительное число селеній, и маленькимъ ребятишкамъ часто приходится ходить для обученія довольно далеко отъ своей деревни, если при училищѣ нѣтъ общежитія. На съѣздѣ выяснилось, что въ шадринскомъ уѣздѣ развитіе дѣла въ той формѣ, какъ было описано, продолжалось безпрепятственно и число такихъ школокъ домашняго характера, поддерживаемыхъ земствомъ и руководимыхъ земскими учителями, скоро возросло до 48, съ общимъ числомъ учащихся болѣе тысячи. Свѣдѣнія о ходѣ учебнаго дѣла, сообщенныя нѣкоторыми изъ учителей-руководителей, особенно *А. М. Буториной*, о которой я уже имѣлъ случай говорить, показали, что это дѣло идетъ вполне успѣшно, и съѣздъ призналъ, что ученики, пробывшіе двѣ зимы въ такой домашней школкѣ, могутъ поступать прямо въ старшее (третье) отдѣленіе нормаль-

наго земскаго училища. Съ подробностями объ устройствѣ этихъ школокъ и съ ходомъ въ нихъ учебнаго дѣла желающіе могутъ ознакомиться по моей книжкѣ: «О домашнихъ школкахъ грамотности въ народѣ», стран. 36—42.

Но въ ирбитскомъ уѣздѣ, при всей готовности земства поставить это дѣло надлежащимъ образомъ, при всей готовности учительства поработать на его пользу, на первомъ же шагу возникли довольно странныя недоразумѣнія и затрудненія. Мѣстный инспекторъ, г. *Протодьяконовъ*, которому своевременно было сообщено управой о задуманныхъ мѣропріятіяхъ земства для развитія и улучшенія домашняго обученія, при содѣйствіи земскихъ учителей и учительницъ, совершенно неожиданно такъ представилъ дѣло окружному начальству (въ Оренбургѣ), будто земство открываетъ новыя народныя училища, съ учителями безъ всякихъ правъ, безъ разрѣшенія въ установленномъ порядкѣ и безъ подчиненія этихъ школъ инспекціи. Результатомъ явилось строгое предписание о немедленномъ закрытіи незаконныхъ училищъ полицейскимъ порядкомъ. Распоряженіе получилось какъ разъ во время съѣзда,---

и надо было видѣть то удручающее впечатлѣніе, какое произвело оно и на земскихъ людей, и на учительство!

Всѣ знали, изъ какого источника вытекало это грозное предписаніе, совершенно не гармонирующее съ «народнымъ просвѣщеніемъ», — и волновались и негодовали. Даже полицейскія власти находились въ неловкомъ и затруднительномъ положеніи, особенно мѣстный исправникъ, самъ бывшій членомъ училищнаго совѣта, т. е. органомъ просвѣщенія: требовалось закрывать какія-то незаконныя училища, а таковыхъ въ уѣздѣ вовсе не оказывалось, потому что нельзя же признавать училищемъ десятокъ ребяташекъ, сгруппировавшихся около грамотнаго подростка для обученія грамотѣ, счету и молитвамъ; надо было разгонять это вполнѣ одобрительное собраніе крестьянскихъ дѣтей и налагать запрещеніе на этого невиннаго подростка, обучающаго своихъ односельчанъ, т. е. дѣлающаго похвальное дѣло, а это казалось и жестокимъ, и неразумнымъ, и противорѣчащимъ циркуляру мин. нар. пр. отъ 14 февраля 1882 года. Такимъ образомъ, если тотемскому земству приходилось отстаивать интересы просвѣщенія отъ притязаній полиціи,

то ирбитскому пришлось отстаивать ихъ отъ преслѣдованій органовъ того именно вѣдомства, на которомъ лежитъ дѣло просвѣщенія. «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!».

Учительство подняло вопросъ объ организованномъ домашнемъ обученіи, на основаніи циркуляра 1882 года, на сѣздѣ. Вопросъ этотъ нельзя было не признать входящимъ въ компетенцію сѣзда; съ этимъ согласился тотъ же г. Протодьяконовъ. Дѣлали фактическія сообщенія. Обсуждали вопросъ со всѣхъ сторонъ. Говорили убѣжденно, доказательно, горячо, — и въ концѣ концовъ пришли къ такимъ выводамъ:

1. Домашнія школки, какъ организованное домашнее обученіе, при помощи земства, съ учителями изъ крестьянскихъ подростковъ, окончившихъ курсъ нормальнаго земскаго училища и работающихъ подъ руководствомъ учителей нормальныхъ училищъ, надо признать однимъ изъ самыхъ практичныхъ, плодотворныхъ и симпатичныхъ народу способовъ для распространенія толковой грамотности въ крестьянскомъ населеніи.

2. Въ виду циркуляра мин. нар. пр. отъ 14 февраля 1882 года, такое организованное

домашнее обученіе нельзя не признать вполнѣ законнымъ.

3. Развитіе этого организованнаго домашняго обученія, однако же, отнюдь не желательно на счетъ нормальныхъ училищъ: оно должно не подрывать послѣднія, а помогать имъ, подготавливая для нихъ грамотныхъ учениковъ и возбуждая въ народѣ стремленіе къ нимъ.

4. Наиболее желательно установленіе такого организованнаго домашняго обученія въ селеніяхъ, отдаленныхъ отъ нормальныхъ училищъ, или въ тѣхъ, гдѣ нормальное училище переполнено учащимися и принуждено приостанавливать пріемъ приводимыхъ въ него дѣтей.

О послѣдствіяхъ такого постановленія я не знаю. Но, во всякомъ случаѣ, они не могли быть значительны, потому что скоро школы грамотности перешли отъ земства въ другое вѣдомство, да и составъ земства пермской губерніи рѣзко измѣнился...

Съ 1884 года я былъ снова «изъятъ» изъ сонма одобряемыхъ руководителей, да и самые съѣзды подверглись «изъятію» изъ жизни русской народной школы, надъ которою вообще

небо стало заволакиваться облаками и даже тучами. На смѣну живыхъ сѣздовъ выдвинулись мертворожденные курсы по правиламъ 1875 года. Потребовалось точное соблюденіе этихъ правилъ, утверждающихъ, будто «краткосрочные курсы» могутъ представлять собой педагогическое учебное заведеніе, третирующихъ учителей, какъ школьниковъ-мальчишекъ, вооружающихъ чиновника-наблюдателя полноправною властью не только надъ учителями, но и надъ руководителями. Ушинскаго, съ легкимъ сердцемъ, «заушили» и изгнали изъ школы, замѣнивъ Барановымъ. Если бы я не былъ «изъятъ»,—все равно вести живое и полезное дѣло, при такихъ условіяхъ, было невозможно: и здравый смыслъ, и простая добросовѣстность заставляли уйти со сцены до болѣе благопріятнаго времени.

Въ томъ же 1884 году я поселился въ деревнѣ, въ своемъ маленькомъ имѣніи, въ воронежскомъ уѣздѣ, и основалъ здѣсь свое училище, при участіи мѣстнаго земства. Здѣсь я двѣнадцать лѣтъ посвятилъ провѣркѣ моихъ понятій о дѣлѣ народнаго образованія на живой практической работѣ—и только путемъ печати продолжалъ дѣло «учителя учителей»,

до 1896 года не возвращаясь къ роли «руководителя», даже мало надѣялся на возможность этого возвращенія. Однако же возвратиться пришлось... Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ второмъ періодѣ моей руководительской дѣятельности, подведу итоги перваго періода.

Всего, съ 1872 года по 1884 годъ, я дѣйствовалъ, въ качествѣ участника и руководителя, на одиннадцати съѣздахъ народныхъ учителей и учительницъ и—плохо ли, хорошо ли—судить не мнѣ поучалъ дѣлу учительства около *двухъ тысячъ* учителей и учительницъ, а именно:

Москва (приблизительно)	750 ч.
Кострома въ первый разъ	136 »
Кострома во второй разъ	171 »
Херсонъ	101 »
Псковъ въ первый разъ	59 »
Псковъ во второй разъ	136 »
Нижній Тагиль	131 »
Петербургъ (приблизительно)	150 »
Великіе Луки	51 »
Ирбитъ	81 »
Шадринскъ	144 »

Всего 1.910 ч.

Съ немногими изъ этихъ двухъ тысячъ работниковъ русской народной школы пришлось мнѣ встрѣчаться еще разъ. Многие угасли отъ непосильнаго труда и отъ неблагопріятныхъ, тяжелыхъ условій учительской жизни; многихъ унесли невзгоды и бури, пронесшіяся надъ русской народной школой... Но всѣ немногія вторичныя встрѣчи были радостныя, теплыя, сердечныя: мы встрѣчались, безъ преувеличенія, какъ друзья, какъ родные, какъ братья...

III.

Курсы для учителей.

Двѣнадцатилѣтняя работа въ народной школѣ, конечно, дала мнѣ массу драгоцѣнныхъ наблюденій и опытовъ, рядъ твердыхъ, хорошо обоснованныхъ на фактахъ жизни, выводовъ. Я теперь окончательно убѣдился, что нашему народу прежде всего нужна общеобразовательная школа съ достаточно широкою программой, просвѣтляющая его отношеніе къ дѣйствительности, расширяющая его умственный кругозоръ, культивирующая его бытъ, очеловѣчивающая его нравы,—и ужъ, конечно, не съ трехгодичнымъ курсомъ, по 24—30 недѣль въ учебномъ году. Я убѣдился, что создать такую школу, какая нужна нашему народу, можетъ только живая общественная сила, обладающая достаточно свободною инициативой, не связанная по рукамъ и ногамъ бюрократическою регламентаціей, но отдѣльныя попытки частныхъ лицъ, безъ общественной поддержки, без-

сильны и почти безрезультатны, утопая въ морѣ неблагопріятныхъ жизненныхъ условій. Я убѣдился, что вся наша «одобренная» народно-учебная литература, за исключеніемъ живыхъ и оригинальныхъ творческихъ работъ К. Д. Ушинскаго и гр. Л. Н. Толстого, — не плодъ живого педагогическаго творчества, а простая ремесленная работа по мертвому казенному шаблону, что она не можетъ ничего давать дѣтямъ народа, кромѣ мертвящей скуки и нѣкотораго отвращенія къ книгѣ; въ то же время я не могъ не видѣть, что установленіемъ обязательнаго мертваго шаблона, вмѣстѣ съ изгнаніемъ изъ школы книгъ Ушинскаго, какъ не подходящихъ подъ этотъ шаблонъ, педагогическое творчество убито у насъ, что не только какойнибудь Радонежскій или Барановъ, но и самъ Ушинскій, если бы онъ всталъ изъ гроба, не могъ бы теперь написать живой книги для народной школы, при условіи обязательности сказаннаго шаблона...

Я пережилъ въ деревнѣ и страшный голодный годъ котораго никогда не забуду, и не менѣе страшную пору послѣдней холеры. Никогда еще народное невѣжество и совершенная беспомощность нашего крестьянства не обна-

жались такъ откровенно, такъ ярко, какъ во время этихъ бѣдствій. Никогда такъ очевидно не обнаруживались горькіе результаты вѣковой опеки, неустанно подавлявшей его человѣческое достоинство. Никогда живые факты такъ безпощадно не разбивали въ пухъ и прахъ славянофильскихъ барскихъ иллюзій о чемъ-то «таинственномъ», что якобы «свѣтитъ въ смиренной наготѣ» этого крестьянства (Тютчевъ): оказалась самая обыкновенная, забитая, грубая и невѣжественная нагота, лишенная всякаго таинственного свѣта.

Впечатлѣніе было настолько подавляющее, что не только общество встряхнулось, но и въ оффиціальныхъ сферахъ выдвинулись толки о необходимости рѣшительно двинуть впередъ дѣло народнаго образованія. Конечно, здѣсь все и на этотъ разъ, какъ всегда, окончилось толками. Но въ земствѣ и въ обществѣ, послѣ продолжительнаго затишья опять началось усиленное возбужденіе активнаго интереса къ народной школѣ и вообще къ народному образованію. Дѣло не на шутку оживилось. Вездѣ пошли разговоры и заботы объ установленіи всеобщаго, даже обязательнаго обученія, вырабатывались школьныя сѣти, устра-

ивались народно-учебныя библіотеки, чтенія съ свѣтовыми картинами, народные спектакли; выдвинулся вопросъ о народныхъ школахъ высшаго типа съ повышенной программой и удлинненнымъ курсомъ (вятское земство), о повторительныхъ и дополнительныхъ урокахъ для бывшихъ учениковъ народной школы и вообще о внѣшкольномъ обученіи посредствомъ чтеній, бесѣдъ, библіотекъ. Противъ «обязательности» обученія слышались даже лицемѣрно-либеральныя возраженія: «для чего-де это насиліе? Пусть кто хочетъ, тотъ и посылаетъ своихъ дѣтей въ школу, а насиловать, обязывать, заставлятъ учить и учиться—это жестоко и несправедливо!» Признаюсь, меня всегда раздражалъ этотъ лицемѣрный либерализмъ, который мирится съ обязательностью и всеобщностью воинской повинности, оправдывая ее государственною потребностью, но возстаетъ противъ обязательности и всеобщности обученія, какъ будто оно тоже не государственная потребність, да еще потребність совпадающая и съ интересами будущности обучаемыхъ дѣтей, чего никакъ нельзя сказать о воинскою повинности—по крайней мѣрѣ, по отношеніи къ большинству людей, ее отбывающихъ...

Много способствовала усиленію пробудившагося общественнаго интереса къ дѣлу народнаго образованія учебная выставка, устроенная въ 1895 г. въ Москвѣ комитетомъ грамотности, состоявшимъ при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, — выставка, собственно говоря, и созданная этимъ общественнымъ возбужденіемъ. На призывъ комитета откликнулись и земства, и всѣ просвѣтительныя общества, и частныя лица, и разныя фирмы, занимающіяся производствомъ учебныхъ пособій, волшебныхъ фонарей и т. под. Получилась очень интересная и живая выставка, организованная искренне преданными дѣлу и компетентными людьми, близко стоящими къ народной школѣ, — выставка, сильная общественнымъ сочувствіемъ. Эта была прекрасная «лебединая пѣсня» московскаго комитета грамотности, дни котораго тогда были сочтены, такъ какъ онъ, подобно петербургскому комитету, уже былъ обреченъ на упраздненіе.

Въ слѣдующемъ 1896 году, какъ извѣстно, происходила всероссійская промышленная выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ общемъ довольно мизерная, неудачная и убыточная. При ней тоже былъ устроенъ учебный от-

дѣль—уже министерствомъ народнаго просвѣщенія и вѣдомствомъ церковно-приходскихъ школь. Привлечена была къ участию и извѣстная устроительница харьковской воскресной школы *Хр. Д. Алчевская*; ей поручили организовать выставку воскресныхъ школь. Надо было что нибудь устроить и для учителей. Вѣдомство церковно-приходскихъ школь устроило курсы, а министерство—лекціи, для которыхъ отвели залъ въ огнеупорной постройкѣ, достаточно просторный и приличный. Лекціи имѣли чисто-случайный характеръ и слѣдовали одна за другой безъ всякаго опредѣленнаго плана, который былъ и невозможенъ, потому что и лекторы, и составъ аудиторіи непрерывно мѣнялись: учителя и учительницы допускались на выставку группами, каждая на опредѣленное число дней; лекторами по большей части были случайные добровольцы, которые давали то, что могли дать безъ «заранѣе обдуманнаго намѣренія».

Между прочимъ, вспомнили, что въ 1895 году окончилось 25 лѣтъ со дня смерти Ушинскаго, котораго недавно «заушили» и выпроводили изъ народной школы. Должно быть, теперь на гонителей самаго крупнаго

талантливаго и оригинальнаго русскаго педагога напалъ «покаянный» стихъ: задумали заднимъ числомъ почтить его память, и я получилъ предложеніе—прочитать учителямъ и учительницамъ двѣ лекціи объ Ушинскомъ. Это мнѣ показалось хорошимъ признакомъ: какъ будто запахло новымъ, свѣжимъ духомъ, реабилитацией «униженныхъ и оскорбленныхъ». Я принялъ предложеніе и поѣхалъ въ Нижній, гдѣ съ радостью встрѣтилъ не мало земскихъ учителей и учительницъ, старыхъ моихъ знакомыхъ по съѣздамъ,—между прочимъ, и мою ирбитскую пріятельницу Е. М. Буторину, о которой упоминалъ во второй главѣ. Лекціи мнѣ удались, и офиціальныи отчетъ засвидѣтельствовалъ ихъ выдающійся успѣхъ, котораго онѣ, по его отзыву, вполнѣ заслуживали. Не знаю, насколько правдивъ былъ этотъ лестный отзывъ о моихъ лекціяхъ, но я, дѣйствительно, былъ въ ударѣ, говорилъ горячо, убѣжденно, съ увлеченіемъ, потому что всегда высоко цѣнилъ и благородную личность, и заслуги Ушинскаго, считая его настоящимъ «солнцемъ» для русской школы. Я всегда вѣрилъ, что время Ушинскаго еще придетъ, и теперь радовался отъ души его

реабилитации, которая мнѣ казалась уже начинающеюся. И дѣйствительно, она осуществилась, хотя не такъ скоро, какъ я ожидалъ: въ концѣ 90-хъ годовъ книгамъ Ушинскаго было возвращено право гражданства въ начальной народной школѣ. Мнѣ удалось заинтересовать личною и трудами Ушинскаго слушавшее меня учительство, среди котораго уже довольно было такихъ, которые не знали ни «Родного Слова», ни «Дѣтскаго Мира», ни «Человѣка, какъ предметъ воспитанія»; теперь всѣ пожелали познакомиться съ этими книгами. Возникла было въ средѣ учительства мысль почтить память педагога панихидой, но осуществить эту невинную мысль... не пришлось: пахло демонстраціей. Лекціи—лекціями, а самымъ пріятнымъ въ Нижнемъ для меня была именно встрѣча со старыми друзьями и часы, проведенные мною въ обществѣ земскихъ учителей и учительницъ. Конечно, я осмотрѣлъ и выставку, особенно учебный ея отдѣлъ; внимательно ознакомился и съ содержимымъ павильона церковно-приходскихъ школъ, пользуясь любезными объясненіями *В. И. Шемякина*; не менѣе внимательно осмотрѣлъ и павильонъ воскресныхъ школъ, отдавъ надлежащую дань уваженія.

неутомимой Хр. Д. Алчевской, которая только-что отбыла Московскую выставку, теперь отбывала Нижегородскую и уже собиралась прославлять успѣхи россійскаго просвѣщенія на Парижской. Но большую часть моего времени въ Нижнемъ я проводилъ въ дешевой чайной, по сосѣдству съ той аудиторіей, гдѣ происходили лекціи, потому что сюда собиралось учительство, а въ томъ числѣ и мои старые друзья: воспоминаніямъ, разговорамъ, разсказамъ и спорамъ не было конца. Здѣсь-то я узналъ о движеніи народнаго образованія въ Пермской губерніи за послѣднее время—увы! не впередъ, а назадъ, объ упадкѣ въ ней земской дѣятельности, о пониженіи самостоятельности и самодеятельности учительства, о весьма прискорбной перемѣнѣ, происшедшей съ нѣкоторыми моими знакомыми... Все это было очень грустно и очень досадно, но совершенно естественно и понятно...

Послѣ нижегородскихъ лекцій, съ 1897 года на меня опять посыпались земскія приглашенія—принять на себя руководство, но ужъ не *създами* народныхъ учителей и учительницъ, строго воспрещенными, а *курсами* для нихъ, по правиламъ 1875 г. Я тоже ока-

зался офіційно-реабілітованимъ, какъ «учитель учителей», но не для стѣздовъ, а для курсовъ. Скажутъ: да не все ли равно? полно, есть ли существенная разница между тѣми и другими?—Въ *идеѣ*, конечно, есть—и даже очень большая.

Съѣздъ — собраніе полноправныхъ лицъ, стоящихъ у одного и того же дѣла, желающихъ объединиться между собою, подѣлиться другъ съ другомъ своими наблюденіями, опытами, размышленіями и выводами въ интересахъ общаго дѣла, сообща обсудить и выяснить волнующіе ихъ вопросы, недоразумѣнія и затрудненія, потолковать о лучшей постановкѣ и о возможномъ усовершенствованіи общаго дѣла. Руководитель здѣсь — «старшій между равными», въ прямомъ смыслѣ «руководитель», направляющій ходъ занятій, чтобы они не «соскакивали съ рельсовъ», не «выходили изъ береговъ», объединяющій разнообразіе собравшагося общества, самъ работающій наравнѣ со всѣми, вносящій въ общую работу свое знаніе, свой опытъ, свой живой примѣръ. Здѣсь онъ можетъ приобрѣсти авторитетъ только силою своего таланта и знанія, путемъ добросовѣстнаго труда, такта и нравственнаго вліянія.

Курсы же—это собраніе малознающихъ и малоопытныхъ учителей, безъ права голоса, обращенныхъ въ учениковъ, обязанныхъ безпрекословно исполнять приказанія руководителей-наставниковъ, воспринимать и усваивать ихъ наставленія, не долженствующихъ «свое сужденіе имѣть». Руководители здѣсь—наставники, дѣло которыхъ сообщать аудиторіи знанія и умѣнія, да провѣрять, насколько удовлетворительно они восприняты, поняты и усвоены, пожалуй — аттестовать прилежаніе, успѣхи и поведеніе курсистовъ, какъ учениковъ. Здѣсь руководители облечены авторитетомъ въ силу ихъ положенія, извнѣ, и не имѣютъ надобности пріобрѣтать его ни личными достоинствами, ни личнымъ трудомъ; они, въ нѣкоторомъ родѣ, «предержащая власть», съ правомъ требовать полнаго повиновенія и прекращать въ зародышѣ всякія проявленія собственныхъ мнѣній со стороны аудиторіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по правиламъ 1875 года.

Да, въ *идеѣ* разница большая. Но возможно ли было полное примѣненіе этихъ правилъ о курсахъ въ 90-хъ годахъ?

Можетъ быть, такіе курсы и возможны

были тридцать лѣтъ тому назадъ, когда наше учительство представляло пеструю толпу, состоявшую изъ недоучившихся семинаристовъ, неокончившихъ курса учениковъ уѣзднаго училища и тому подобныхъ недоучекъ, которые поступали въ учителя только по тому побужденію, что больше имъ некуда было дѣваться, словомъ, «кто съ борку, кто съ сосенки». Такую толпу неумѣлыхъ работниковъ, безъ всякихъ знаній, безъ пониманія дѣла, безъ стремленія къ самообразованію, безъ умѣнія учиться и совершенствоваться самостоятельно, пожалуй, небезполезно было собирать на подобные курсы, заставляя учиться и подвергать школьной дисциплинѣ, особенно имѣя въ виду, что большинству этихъ учителей и дѣваться некуда, а потому поневолѣ приходилось мириться со всякими курсами, со всякимъ режимомъ, и я самъ зналъ одного предсѣдателя земской управы, который говоритъ такимъ учителямъ, отправляя ихъ въ школу: «ну, смотри у меня, учи хорошенъко, не пьянствуй, не дебоширь, а то — въ солдаты отдамъ!» Онъ грозилъ учителю пальцемъ, и несчастный учитель вѣрилъ, что этотъ грозный начальникъ можетъ отдать его въ солдаты.

Но уже въ 80-хъ, тѣмъ болѣе въ 90-хъ годахъ составъ нашего учительства, дѣйствовавшего въ народной школѣ, совершенно измѣнился. Въ ряды его стали поступать почти исключительно люди, получившіе среднее или спеціально-учительское образованіе, сознательно, а иногда и по призванію посвящавшіе свои силы учительскому труду, мыслящіе, искренно преданные дѣлу народнаго образованія. Изъ прежняго состава остались немногіе и, конечно, наиболѣе сильные, сумѣвшіе овладѣть необходимыми знаніями и умѣньями, проработавшіе въ школѣ 10, 15, 20 лѣтъ, полюбившіе школу и школьное дѣло... Да, сильно измѣнился общій характеръ нашего учительства за четверть вѣка. Не то стало его отношеніе къ дѣлу, не то пониманіе дѣла. Не тѣ умственные и нравственные потребности. Не тѣ недостатки, не тѣ и достоинства. Больше гораздо стало замѣчаться самодѣтельности и самостоятельности, иногда, къ сожалѣнію, переходящей въ преувеличенное самомнѣніе. Не стало и слѣда бывалой и слѣпой вѣры въ рецепты и немотивированныя наставленія кабинетныхъ руководствъ, методикъ, правилъ, программъ; проявилось не только критическое, но даже

и скептическое отношеніе къ нимъ. Выходили въ свѣтъ весьма серьезные труды учителей, какъ «Грамматическій задачникъ» Стрѣлкова, «Книга для чтенія» Ермина и Вологовскаго, «Сборники ариѳметическихъ задачъ» Лубенца и Верещагина, «Подвижныя задачи по ариѳметикѣ» Аркадія Топоркова и т. под. Всѣ эти работы носятъ на себѣ печать самодѣятельной мысли, живого пониманія условій и потребностей народной жизни и школы. Журналъ «Русскій начальный учитель» открылъ особый отдѣлъ для работъ, статей и замѣтокъ учителей, въ которыхъ ключемъ бьетъ сознательное и живое отношеніе работниковъ школы къ своему дѣлу, и всякій, кто интересуется дѣломъ, найдетъ въ этомъ отдѣлѣ журнала не мало интереснаго и поучительнаго... Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не видѣть въ современномъ учительствѣ гораздо больше идейности, чувства собственнаго достоинства и ретиваго стремленія къ научному знанію, къ самообразованію. Я думаю, что здѣсь большое значеніе имѣлъ приливъ къ народной школѣ образованныхъ дѣвушекъ, съ порядочнымъ общимъ образованіемъ, развитыхъ, полныхъ жаждою знанія и стремленіемъ вно-

силь свѣтъ въ массу темнаго народа. Я говорилъ во второй главѣ о той просвѣтительной роли, которую сыграла въ Пермскомъ краю Екатеринбургская женская гимназія, тогда бывшая исключительнымъ явленіемъ, а къ 90-мъ годамъ вліятельная роль въ средѣ учительства образованныхъ дѣвушекъ съ идеальными стремленіями стала уже не исключеніемъ, а общимъ правиломъ. Идеинность и высокое идеальное настроеніе русскаго народнаго учительства особенно ярко сказалось на съѣздѣ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи 1902 г. въ Москвѣ, напр., хоть бы по поводу предложенія г. Шигина: см. «Образованіе» за 1903 г. № 3, стр. 99 и 100. Какой прекрасный примѣръ и горькій упрекъ нашимъ высшимъ сословіямъ, только и думающимъ о расширеніи своихъ преимуществъ и о всевозможныхъ унизительныхъ подачкахъ.

Какъ же это учительство подчинять школьному режиму курсовъ по правиламъ 1875 года? Удобно ли, благоразумно ли, даже прямо — возможно ли ставить его въ положеніе школьниковъ и третировать, какъ неразумныхъ подростковъ? Вѣдь, среди него не мало заслуженныхъ работниковъ, много лѣтъ, силъ

и труда отдавшихъ народной школѣ; не мало отцовъ семейства; не мало людей почтеннаго зрѣлаго возраста, съ сѣдиной на головѣ; не мало такихъ, которые уже выработали опредѣленные взгляды на свое дѣло, имѣющихъ желаніе, право и возможность отстаивать ихъ?

Такіе вопросы невольно возникали при первомъ же земскомъ предложеніи руководить курсами, полученномъ мною въ 1897 г. изъ Тамбова. Надо было уклониться или поставить дѣло иначе. Я рѣшился попытаться. «Была не была, придерживусь молъ той уже выработанной, уже испытанной мною программы, какой держался, когда руководилъ съ ѣздами, съ надлежащей переработкой содержанія рубрикъ, не обращая вниманія на невозможныя пресловутыя правила, сохраняя отъ нихъ только названіе «курсовъ», — допустятъ ли, нѣтъ ли меня вести занятія по этой программѣ — все равно, но вести дѣло иначе, валишь его «черезъ пень въ колоду» и ломать себя, поддѣлываясь подъ невозможныя правила, кому-то угождая, — я, по совѣсти, не могу и не хочу!»

Понятно, что содержаніе рубрикъ пришлось много измѣнить: надо было внести въ

нихъ и свой двѣнадцатилѣтній опытъ въ сельской школѣ, и результаты движенія научной мысли въ области психологическихъ изученій, служащихъ основой для постановки учебно-воспитательнаго дѣла.

Тамбовское земство одобрило мою программу и препроводило ее, куда надлежитъ.

Однако же разрѣшеніе курсовъ подъ моимъ руководствомъ и по моей программѣ значительно затянулось: округъ не рѣшился взять его на свою отвѣтственность. Дѣло доходило до министерства, и курсы, вмѣсто первой половины іюня, состоялись только въ концѣ этого мѣсяца и въ первой половинѣ іюля, такъ что полное развитіе работы, соединенной съ усиленнымъ нервнымъ возбужденіемъ и умственнымъ напряженіемъ, совпало съ самыми сильными жарами. Это было неблагоприятное условіе для успѣшности работы, которое много усиливалось еще условіями помещенія. Курсы происходили въ залѣ нарышкинскаго общества народныхъ чтеній, превосходномъ, но не приспособленномъ для многочисленныхъ собраній во время лѣтнихъ жаровъ: этотъ залъ имѣетъ потолокъ изъ гофрированного желѣза, его громадныя окна не отво-

ряются и снабжены небольшими форточками только съ одной стороны, такъ что не было никакихъ средствъ бороться съ духотой и жарой, а заниматься приходилось ежедневно не менѣе 7-ми часовъ.

Какъ ни затянулось разрѣшеніе курсовъ, все-таки мнѣ удалось провести мою программу, т. е. въ существѣ дѣла программу бывшихъ съѣздовъ для цѣлаго ряда курсовъ, происходившихъ подъ моимъ руководствомъ въ «концѣ вѣка»—въ Тамбовѣ, въ Стародубѣ, два раза въ Ярославлѣ, Курскѣ, Херсонѣ и Одессѣ. Въ своихъ печатныхъ отчетахъ, которые помѣщались въ оффиціозномъ журналѣ «Русскій Начальный Учитель», и также издавались земствами (Тамбовскимъ, Ярославскимъ, Курскимъ, Херсонскимъ), съ надлежащаго разрѣшенія, я, конечно, открыто и недвусмысленно говорилъ о невозможности и непримѣнимости правилъ 1875 года и о томъ, что я велъ и буду вести курсы, отнюдь не стѣсняясь этими мертворожденными правилами.

Не скажу, однако, чтобы на практикѣ мнѣ вездѣ и всегда удавалось избѣжать конфликтовъ и непріятностей, отстаивать свободу и самостоятельность дѣйствій, съ надлежащею

полнотой осуществить мою программу: приходилось выдерживать рискованные схватки и даже, сознаюсь не безъ нѣкоторой досады на себя, дѣлать уступки. Дѣло въ томъ, что къ этому времени, къ «концу вѣка», у насъ уже выработался вполне тотъ типъ, такъ сказать, «педагогическаго чиновника», о которомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ, и съ нимъ теперь справиться или поладить было не легко, какъ съ отчаяннымъ формалистомъ и трусомъ, дрожащимъ за свое мѣсто, за свою карьеру. Напримѣръ, въ Тамбовѣ, несмотря на обширное помѣщеніе, въ которое можно свободно впустить тысячу слушателей, наблюдатель ревниво оберегалъ двери зала, не допуская на курсы никого, кромѣ курсистовъ въ числѣ 168 человекъ, даже лицъ, несомнѣнно близко стоящихъ къ мѣстной народной школѣ, даже тѣхъ, чьими заботами были созданы и организованы самые курсы. Такая замкнутость, не говоря уже о возмутительной несправедливости по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, на мой взглядъ и вообще была вовсе не въ интересахъ курсовъ, о чемъ я достаточно говорилъ въ своемъ мѣстѣ. А интересъ къ курсамъ въ мѣстномъ земствѣ и дво-

рянствѣ былъ очень возбужденъ, и неблаго-разумное устраненіе такихъ элементовъ едва ли благопріятствовало процвѣтанію мѣстной школы: вѣдь это процвѣтаніе невозможно безъ общественнаго сочувствія и безъ общественныхъ жертвъ.

На всѣхъ другихъ курсахъ, мною руководимыхъ, такой замкнутости не было; входъ въ залъ былъ открытъ для всѣхъ интересующихся дѣломъ, и курсы отъ этого, конечно, ничего не теряли; порядка никто не нарушалъ, и занятія шли безпрепятственно, скорѣе—съ усиленнымъ оживленіемъ и одушевленіемъ. Даже на курсахъ для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ, къ которымъ министерскіе чиновники относятся съ нескрываемою ироніей, ничѣмъ съ ихъ стороны не оправдываемой, и на которыхъ мнѣ случилось участвовать впоследствии (1902 г.) въ Пензѣ, —двери зала были открыты для всѣхъ—желающихъ, сколько ихъ могло помѣститься, сообразно съ кубическимъ содержаніемъ воздуха: здѣсь, какъ видно, лучше памятуя, что свѣтъ надо помѣщать не подъ спудомъ, а на видномъ открытомъ мѣстѣ,—да свѣтитъ всѣмъ, жаждущимъ свѣта!

Не въ интересахъ дѣла было и другое произвольное дѣяніе тамбовскаго наблюдателя: онъ задержалъ разсылку учителямъ и учительницамъ примѣрной программы для предварительныхъ письменныхъ работъ, которыя должны были заблаговременно познакомить меня съ положеніемъ мѣстной школы (можетъ быть, именно это-то и было нежелательно?), ея нуждами и потребностями, съ желаніями и стремленіями мѣстнаго учительства, съ вопросами, наиболѣе его интересующими, съ его мнѣніями и съ его сужденіями по этимъ вопросамъ. Программа была получена учителями и учительницами за нѣсколько дней до начала занятій, а потому они не имѣли возможности своевременно приготовить основательно обдуманыхъ и тщательно обработанныхъ сообщеній и докладовъ для бесѣдъ. Желанія поработать, высказать свои недоразумѣнія, затрудненія, думы, подѣлиться съ товарищами своими наблюденіями и опытами, — было много, но время ушло: «нашлось бы многое, что сообщить о своей дѣятельности и ея результатахъ», писала одна изъ учительницъ, «но срокъ данъ такъ коротокъ, что едва успѣешь дать самые необходимые отвѣты».

Свое желаніе поработать въ этомъ направленіи учительство доказало тѣми усиліями, какія обнаружило, стараясь вознаградить потерянное, не по его винѣ, время напряженной работой въ городѣ, на дому, рядомъ съ занятіями въ аудиторіи. Вообще тамбовское учительство, производившее довольно тяжелое впечатлѣніе какой-то пришибленностью и опасеніемъ «смѣть свое сужденіе имѣть», точно оно живетъ постоянно подъ чьимъ-то гнетомъ, обнаружило очень много работоспособности, къ сожалѣнію, не одушевленной самодѣятельною, независимою мыслью. Указанные и другіе подобныя изъяны въ организаци и занятіяхъ тамбовскихъ курсовъ, въ значительной мѣрѣ, объяснялись причинами чисто личнаго характера, вытекаая изъ личнаго раздраженія. Курсы происходили вскорѣ послѣ знаменитаго, такъ называемаго, «слѣтовскаго» дѣла, раскрывшаго публично, въ окружномъ судѣ, весьма некрасивыя вещи въ дѣятельности мѣстныхъ руководителей школы и явно обнаружившаго, на какой сторонѣ сочувствіе мѣстнаго общества. «Слѣтовское дѣло» въ свое время надѣлало столько шуму, что не считаю лишнимъ вдаваться въ изложеніе его.

Но результаты его, между прочимъ, сказались и на курсахъ: во-первыхъ, раздраженіемъ мелкихъ личныхъ самолюбій, во-вторыхъ, нѣсколь-ко угнетеннымъ настроеніемъ тамбовскаго учительства, на которое «слѣтовское дѣло» наложило (некрасивыя) тѣни: даже совершенно чистыя личности, поддаваясь корпоративному чувству, невольно испытывали нѣкоторую неловкость, тѣмъ болѣе, что обнаруженные «слѣтовскимъ дѣломъ» изъяны въ тамбовскихъ школьныхъ порядкахъ заставляли меня, какъ руководителя курсовъ, усиленно налегать на воспитательную сторону школьнаго дѣла и на такіе щекотливые вопросы, какъ, напримѣръ, вопросъ о наказаніяхъ и вообще объ отношеніи учителя къ ученикамъ. Пришлось въ приподнятомъ духѣ, съ особенною настойчивостью и горячностью, говорить о безобразіи жестокости, грубости, нетерпимости со стороны учителя. Это пуще раздражало мелкія самолюбія, вызывало стыдливое и благоговорное самосознаніе въ однихъ, болѣзненное чувство обиды въ другихъ, непричастныхъ къ такому самосознанію; но все это было необходимо въ интересахъ очищенія Тамбовской школы отъ позорныхъ изъясновъ

въ будущемъ. Не знаю, на сколько удалось мнѣ содѣйствовать такому очищенію, но я видѣлъ явные признаки его на курсахъ—и въ урокахъ учителей, въ общемъ весьма живыхъ и толковыхъ, и въ бесѣдахъ, и въ частныхъ разговорахъ. Признаюсь, мнѣ хочется вѣрить, что курсы, въ связи съ «слѣтовскимъ дѣломъ», въ этомъ отношеніи не прошли безслѣдно для Тамбовской школы, тѣмъ болѣе, что и главныхъ виновниковъ ея деморализаціи скоро не стало въ Тамбовѣ.

Не смотря на краткость времени, Тамбовское учительство успѣло приготовить на общее обсужденіе, какъ хорошій матеріалъ для живыхъ бесѣдъ, нѣсколько дѣльныхъ и толково обработанныхъ докладовъ (о причинахъ, почему наши школы невольнo уклоняются отъ выполненія общеобразовательной задачи и отъ удовлетворительныхъ потребностей народной жизни), «о желательныхъ измѣненіяхъ въ дѣлѣ постановки обученія въ народной школѣ», «о курсахъ для учителей и учительницъ», «сельская школа, какъ проводникъ сельскохозяйственныхъ знаній въ среду народа», «о воспитаніи дѣтей народнаго учителя» и др.)!

Бесѣды по поводу докладовъ и сообщеній,

подымающихъ вопросы, которые наиболѣе интересуютъ и волнуютъ учительство, говоря по правдѣ, были самой интересной и оживленной частью занятій на всѣхъ курсахъ, происходившихъ подъ моимъ руководствомъ, гдѣ удавалось ихъ установить и провести съ достаточною свободой и полнотою. Правда, что такія бесѣды отрицаются правилами 1875 года, но онѣ были включены въ мою программу, утвержденную учебнымъ начальствомъ, и большее или меньшее стѣсненіе ихъ зависѣло отъ произвола мѣстнаго цензора-наблюдателя. Наибольшія препятствія встрѣтились въ Ярославлѣ, куда проникла Московская (вѣрнѣе — «катковская») зараза «словобоязни», и въ Курскѣ, гдѣ наблюдатель на словахъ непременно хотѣлъ вести бесѣды самъ, но на дѣлѣ ограничился одною довольно безцвѣтною и вялою бесѣдой о надѣленіи школъ землею. Дѣлать нечего, здѣсь пришлось бесѣды по самымъ интереснымъ, по самымъ важнымъ вопросамъ привязывать къ обсужденію уроковъ; иного средства провести ихъ, безъ неприятныхъ конфликтовъ, не представлялось. За то вполне удалось придать имъ полный просторъ и надлежащую полноту—въ Там-

бовѣ, Стародубѣ, Херсонѣ и Одессѣ. Въ Стародубѣ и Одессѣ онѣ прошли безъ всякихъ столкновений, протестовъ и препятствій, хотя въ послѣднемъ городѣ на курсахъ постоянно присутствовали три чиновника-наблюдателя: инспекторъ училищъ, директоръ училищъ и окружный инспекторъ, прикомандированный попечителемъ,—значить, надзоръ былъ основательный, неупустительный, зоркій.

Въ Тамбовѣ возникли протесты и пререканія по поводу самыхъ невинныхъ вопросовъ школьной практики.

По поводу доклада «о причинахъ, почему Тамбовскія школы невольно уклоняются отъ выполненія общеобразовательной задачи и отъ удовлетворенія потребностей народной жизни», тежду прочимъ, указывали на установленное въ этихъ школахъ злоупотребленіе диктовкой и каллиграфіей: на диктовку и чистописаніе тратится такая масса времени, что его на хватаетъ на болѣе важныя для жизни письменныя упражненія, какъ свободное и толковое изложеніе своихъ знаній, наблюденій, мыслей, чувствъ, желаній. «Въ виду такого то циркуляра, я не могу допустить, чтобы здѣсь подвергались критикѣ уроки

чистописанія и говорилось о сокращеніи ихъ!»

По поводу доклада «объ играхъ и гимнастическихъ упражненіяхъ въ народной школѣ» говорили о невозможности практиковать гимнастическія упражненія, если учитель не обладаетъ для этого необходимой специальной подготовкой и если при школѣ нѣтъ для этого удовлетворительнаго помѣщенія, потому что неправильно поставленныя гимнастическія упражненія, да еще въ тѣсномъ и пыльномъ классѣ, плохо вентилируемомъ, приносятъ не пользу, а вредъ; между тѣмъ, какъ извѣстно, у крестьянскихъ ребятъ столько естественной гимнастики въ жизни, что искусственная гимнастика имъ едва ли нужна,—они надъ ней смѣются, презирая эти странныя, на ихъ взглядъ, ненужныя выбрасыванія рукъ и ногъ, повороты головы и туловища и т. п. Указано было авторитетное мнѣніе о гимнастикѣ въ школѣ покойнаго доктора Е. А. Покровскаго изъ его доклада въ IV секціи «русскаго общества охраненія народнаго здравія», въ С.-Петербургѣ.

— Въ виду такого-то циркуляра, я не могу допустить, чтобы здѣсь обсуждался вопросъ

о гимнастическихъ упражненіяхъ въ школѣ!

Какъ вамъ нравятся такіе благодѣтельные протесты?

Все дѣло объясняется опасеніемъ, чтобы даже разговоры о чистописаніи не сочтены были кѣмъ-то за дерзкую критику какихъ-то циркуляровъ: наглядный примѣръ того, какъ трусость и низменное самосохраненіе близко граничатъ... съ чѣмъ? Оказалось, что въ одномъ циркулярѣ говорится о желательности, чтобы ученики школъ научились писать достаточно разборчиво, но вовсе не рекомендуется всѣ письменныя упражненія учениковъ сводить на механическое чистописаніе съ прописей и манкировать всѣми другими письменными упражненіями. Другой циркуляръ говоритъ о желательности гимнастическихъ упражненій—конечно, въ тѣхъ начальныхъ школахъ, гдѣ они возможны, но вовсе не настаиваетъ на безтолковомъ примѣненіи ихъ во всѣхъ народныхъ школахъ и при всевозможныхъ условіяхъ... Удалось уладить дѣло соглашеніемъ, что должно принимать во вниманіе всякіе циркуляры, но «съ умомъ», памятуя пословицу о человѣкѣ, котораго «заставь Богу молиться, такъ онъ и лобъ разобьетъ».

Эта пословица оказалась настолько убедительной, что пререканія окончились, и оказалось возможным постановленіе объ устраненіи злоупотребленій чистописаніемъ и гимнастикой—при отсутствіи благопріятныхъ условій для правильной постановки гимнастическихъ упражненій.

Въ Херсонѣ рѣзкій, даже грубый, протестъ былъ вызванъ еще болѣе невиннымъ вопросомъ «о желательности установить общеніе между учащими лицами и дать имъ возможность посѣщать товарищескіе уроки въ интересахъ самоусовершенствованія». Грубость протеста, соединеннаго съ крикомъ «не позволю!» и стучаньемъ кулаками по столу, заставила, во избѣжаніе скандала, прервать мирную бесѣду и оставить вопросъ безъ обсужденія. Инцидентъ остался безъ послѣдствій.

Въ Одессѣ съ очень непріятнымъ инцидентомъ соединился докладъ одного дѣльнаго и серьезнаго учителя «объ условіяхъ учительскаго труда», въ которомъ, между прочимъ, развивалась мысль о необходимости оградить личность учителя отъ грубаго произвола людей, недостаточно проникнутыхъ должнымъ уваженіемъ къ нравственному достоинству учи-

теля. Докладъ былъ одобренъ къ прочтенію и обсужденію. Инцидентъ не сопровождалъ этого обсуждения, а предшествовалъ ему, и произошелъ отъ лица, даже ни имѣвшаго прямого отношенія къ курсамъ, присутствовавшаго на нихъ въ качествѣ посторонняго слушателя, правда, нежелательнаго, но не подлежащаго устраненію. Хотѣлось, чтобы доклада вовсе не было: возникло опасеніе, совершенно неосновательное, что докладъ будетъ кому-то заслуженнымъ щелчкомъ—«не въ бровь, а прямо въ глазъ». Однако, авторъ доклада рѣшился лучше потерять мѣсто, лишь бы провести свой докладъ, который интересовалъ все учительство, какъ посвященный самому близкому, жгучему, такъ сказать—«кровному», вопросу. Докладъ былъ очень серьезный, дѣльный, совершенно свободный отъ всякихъ личностей, рѣзкостей и преувеличеній. Но докладчикъ все-таки потерялъ мѣсто; въ послѣдствіи онъ пристроился въ другой губерніи. Несправедливость къ уважаемому товарищу, конечно, произвела самое тяжелое впечатлѣніе на всю аудиторію, состоящую слишкомъ изъ *пятисотъ* человекъ, и вызвала взрывъ невольнаго негодованія, которое, впрочемъ, не со-

провождалось ни малѣйшимъ нарушеніемъ порядка на курсахъ; но внѣ ихъ оно выразилось въ довольно рѣзкой, хотя и деликатной, формѣ: виновникъ негодованія былъ исключенъ изъ общей товарищеской группы на фотографическомъ снимкѣ. Этотъ непріятный инцидентъ былъ живымъ подтвержденіемъ мысли доклада о необходимости оградить личность учителя отъ грубаго произвола, и негодованіе пятисотеннаго общества было достойною оцѣнкою возмутительнаго факта.

Замѣчу, что одесскіе курсы были самыми многолюдными изъ всѣхъ, какими мнѣ приходилось руководить; для нихъ нарочито былъ отведенъ, — конечно, съ разрѣшенія учебнаго и иного начальства, — обширный залъ городской аудиторіи, куда слушатели допускались съ билетами, заблаговременно полученными отъ инспектора-наблюдателя.

Самыми малолюдными были стародубскіе курсы (115 человекъ), устроенные за счетъ черниговскаго губернскаго земства. Стародубское уѣздное земство не принадлежитъ ни къ числу богатыхъ, ни къ числу живыхъ. Оно мнѣ показалось такимъ же малоподвижнымъ, патріархальнымъ, затхлымъ, какъ малоподвиж-

на, патріархальна, затхла жизнь города Стародуба, довольно глухого и грязнаго, съ преобладаніемъ еврейскаго населенія, нахлынувшего сюда послѣ изгнанія евреевъ изъ Москвы, принесшаго съ собою свою атмосферу и раздражающую уличную галду. Жизнь здѣсь не катится шумнымъ потокомъ, а еле-еле сочится ручейкомъ, безъ силы, безъ шума, безъ блеска: болотная жизнь. Въ уѣздѣ 36 школъ съ 2.299 учащимися (2.028 м. и только 271 д.) и 36 учащими лицами; но онѣ крайне плохо помѣщаются, плохо обставлены, бѣдны учебными пособіями, очень скупо и неисправно снабжаются учебными принадлежностями и почти вовсе лишены какихъ либо школьныхъ библіотекъ. Учительскій трудъ вознаграждается болѣе, нежели умѣренно: для большинства 200 рублей въ годъ. Вообще здѣсь заботы объ учительствѣ видно мало. На курсахъ было высказано, что даже скромныя наградныя деньги учащимъ, ассигнованныя земскимъ собраніемъ, по два года лежатъ безъ распредѣленія между тѣми лицами, для кого они ассигнованы. При всемъ этомъ въ стародубскомъ учительствѣ замѣчается много преданности дѣлу и любви къ школѣ, въ отдѣльныхъ лично-

стяхъ доходящей почти до фанатизма. «Только любовь къ школѣ, желаніе служить народному благу», пишетъ одинъ учитель, «мирятъ со всѣми лишеніями и заставляютъ забывать о всѣхъ невзгодахъ». «Уряднику, сидѣльцу, писарю», пишетъ одна учительница, «жалованья полагается не менѣе 360 рублей, а учителю и учительницѣ, трудъ которыхъ не легче, едва ли не труднѣе, — 200 руб. Дѣло народного образованія — хорошее и великое дѣло, и доставляетъ по временамъ минуты нравственнаго наслажденія. Но при такихъ условіяхъ жизни, да еще при недостаткѣ въ школѣ учебныхъ книгъ, бумаги и всѣхъ учебныхъ принадлежностей, — при всемъ этомъ, приходится больше страдать, нежели удовлетворяться»...

Когда читаешь показанія учащихъ лицъ Стародубскаго уѣзда на вопросы ихъ жизни, въ воображеніи невольно рисуются изстрадавшіяся человѣческія существа, безъ свѣтлыхъ воспоминаній въ прошедшемъ, безъ радостей въ настоящемъ, безъ надеждъ въ будущемъ... Никакихъ средствъ для удовлетворенія умственныхъ интересовъ у этого учительства, ни библиотекъ, ни газетъ, ни журналовъ, ни интеллигентнаго общества, нѣтъ, а изъ 200 рублей

жалованья трудно выгадать что-нибудь на книги, журналы и газеты.

Хотя на курсахъ были сдѣланы нѣкоторыя постановленія (какъ у насъ водится, въ формѣ *ходатайствъ*) объ улучшеніи жизни учительства и о снабженіи школъ учебными пособіями и библіотеками, но постановленія эти, сколько мнѣ извѣстно, такъ и остались постановленіями безъ практическихъ результатовъ. Оригинальною особенностью Стародубскихъ курсовъ была временная школа, состоявшая при нихъ: въ то время какъ, на примѣръ, въ Ярославлѣ были собраны «приличныя», хорошо одѣтыя и причесанныя городскія дѣти, мальчики въ нарядныхъ рубашечкахъ и сюртучкахъ, дѣвочки съ бантиками и ленточками, — въ Стародубѣ были привезены настоящія крестьянскія ребята, въ ихъ простыхъ и грубыхъ деревенскихъ одеждахъ, съ ихъ деревенскою простотою, мѣстнымъ народнымъ говоромъ и наивною любознательностью, съ довольно странными для великорусскаго уха фамиліями: Вейсера, Гребѣнченко, Кучерявенокъ, Несолѣный, Голушка, Богомазъ, Злотникъ, Хондочи и т. под. Въ говорѣ ихъ рѣзко слышался то малорусскій, то литовскій оттѣнокъ. И что

это были за милья, чистыя, наивныя и жаждущія знанія дѣти! Какъ жадно, толково и прочно схватывали они все, что имъ сообщалось! Какъ интересно и любо было заниматься съ этими истинными дѣтьми народа! За тридцать лѣтъ мнѣ только два раза пришлось встрѣтить такъ оригинально и целесообразно организованную временную школу: въ первый разъ это было на съѣздѣ въ Ирбитѣ, въ 1883 году.

Съ курсами въ Стародубѣ совпало чествованіе памяти Бѣлинскаго (1898 г. — пятидесятилѣтіе со дня смерти великаго критика). Я считалъ постыднымъ обойти на курсахъ память такого крупнаго русскаго писателя, и посвятилъ ему особую лекцію, стараясь дать слушателямъ живой образъ Бѣлинскаго, какъ человека, до конца жизни искавшаго истины, и очеркъ его литературной дѣятельности, какъ художественнаго критика и толкователя величайшихъ геніевъ русской поэзіи, и какъ публициста, выяснявшаго связь между литературой и общественною жизнью. Послѣ лекціи аудиторія почтила память Бѣлинскаго вставаніемъ.

Курсы въ Курскѣ и въ Херсонѣ совпали

съ празднованіемъ столѣтія со дня рожденія Пушкина (1899 годъ). Нельзя было не ознаменовать курсовъ воспоминаніемъ о величайшемъ русскомъ поэтѣ, не почтить надлежащимъ образомъ его памяти. Съ этою цѣлью въ школахъ дѣти читали преимущественно произведенія Пушкина, и, кажется, мнѣ удалось доказать доступность русскимъ дѣтямъ даже такихъ серьезныхъ изъ нихъ, какъ «Пророкъ» («Духовной жаждою томимъ»...) или монологъ Пимена изъ «Бориса Годунова». Послѣ изученія цѣлой группы произведеній Пушкина, дѣтямъ былъ данъ очеркъ жизни и дѣятельности поэта и подарена на память книжка съ избранными его произведеніями, предназначенная для школъ (изданіе редакціи «Русскаго Начальнаго Учителя»).

Для курсистовъ же и при ихъ непосредственномъ участіи, какъ въ Курскѣ, такъ и въ Херсонѣ, былъ устроенъ литературно-вокальный вечеръ съ лекціей о личности и литературной дѣятельности Пушкина, съ чтеніемъ и пѣніемъ его стихотвореній, съ исполненіемъ сценъ изъ «Бориса Годунова».

Не могу удержаться, чтобы не рассказать о курьезномъ эпизодѣ, которымъ сопровожда-

лось представлѣніе сценъ изъ «Бориса Годунова» въ Херсонѣ. Благонамѣренный чиновникъ пришелъ въ ужасъ и жаловался своему генералу, который не присутствовалъ на вечерѣ:

— Что тутъ было, ваше-ство, просто и сказать нельзя: сидитъ у стола какой-то какъ будто монахъ и твердитъ: «царевича зарѣзали, царевича зарѣзали!» А у печки на соломѣ валялся мальчишка да спрашиваетъ: «какой такой царевичъ? какихъ онъ, говоритъ, былъ лѣтъ?» А потомъ какъ вскочитъ, да грозить началъ: «донось, говоритъ, напишу! несдобровать вамъ, говоритъ, — не уйдете отъ суда!»

— Да вѣдь это изъ «Бориса Годунова» Пушкина...

— Эхъ, что вы говорите, ваше-ство: никакого тамъ Бориса Годунова не было, а только и были, что старикъ-монахъ у стола да мальчишка у печки на соломѣ! Никакого Бориса Годунова не было... Это только въ афишѣ, для отвода глазъ, значилось, а никакого Бориса Годунова тамъ не было! — Развѣ это непохоже на самый невѣроятный анекдотъ? А между тѣмъ это несомнѣнный фактъ...

Между курсами Курска и Херсона была одна значительная разница, о которой я уже упоминалъ: послѣдніе, кромѣ практическихъ занятій въ школѣ, сопровождавшихся объясненіями и обсужденіями, и кромѣ лекцій руководителя, теоретическаго характера, допускали еще болѣе или менѣе свободный обменъ мыслей по разнымъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла, школы, жизни и дѣятельности учащихъ лицъ. Это были очень живыя и содержательныя бесѣды, къ которымъ очень внимательно прислушивались представители земства. Въ Курскѣ такія бесѣды, къ сожалѣнію, не были допущены, и потому то, главнымъ образомъ, на этихъ курсахъ не было того оживленія и одушевленія, какое кипѣло въ Херсонѣ. Къ сожалѣнію, потому что для земства, которое добросовѣстно стремится къ наилучшей постановкѣ народной школы, конечно, очень большое значеніе имѣетъ голосъ учительства, а свободныя бесѣды на курсахъ въ настоящее время представляются чуть ли не единственнымъ средствомъ для того, чтобы этотъ голосъ, съ надлежащею искренностью и полнотой, доходилъ до земства, какъ голосъ не отдѣль-

ныхъ личностей, а всей корпораціи, очищенный отъ всякихъ личныхъ примѣсей и отъѣнковъ.

Конечно, можно указать и на другія средства, но въ настоящее время они едва ли возможны на практикѣ. Я имѣлъ случай говорить, какъ приближали къ себѣ голосъ учительства нѣкоторыя земства пермской губерніи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Порайонные же съѣзды, подѣ председательствомъ инспектора, какіе кое-гдѣ практикуются въ послѣдніе годы, на мой взглядъ, средство ненадежное и обманчивое... Чувствую нѣкоторую потребность остановиться на городѣ Херсонѣ и его курсахъ, потому что здѣсь мнѣ въ 1899 году пришлось быть во второй разъ, спустя цѣлую четверть вѣка: въ 1874 году я здѣсь руководилъ съѣздомъ. Четверть вѣка — не малое время. Много пережила за эти 25 лѣтъ и вообще русская школа, и херсонская въ частности. Надъ ней то играло ясное солнышко на безоблачномъ небѣ, то проносились черныя грозовыя тучи съ громомъ и молніей. Черезъ Херсонскую школу прошли самыя разнообразныя вліянія: и б. Н. А. Корфа, отъ котораго я лично слышалъ самыя лестныя

для нея отзывы, и г. Гарусова, который, напротивъ, аттестовалъ ее и ея учительство не то, что плохо, а прямо ехидно, и г. Форманковскаго, который мягко и осторожно пытался выкурить изъ нея идеальныя традиціи 60-хъ и 70-хъ годовъ, какъ традиціи зловредныя, будто бы уже устарѣлыя, не соответствующія потребностямъ жизни и духу времени, и многихъ другихъ, не столь замѣчательныхъ, дѣятелей... Должно быть, много давленій она, бѣдная, перетерпѣла, если въ 1899 году херсонское учительство коллективно писало мнѣ въ своемъ адресѣ: «Вы пришли къ намъ въ минуту, когда мы особенно нуждались въ нравственной поддержкѣ: дорогое для насъ дѣло народной школы изнемогаетъ подъ гнетомъ рутины и формализма, а между тѣмъ населеніе предъявляетъ все большіе и большіе духовные запросы»...

Надо сказать, что составъ херсонскаго учительства за 25 лѣтъ, конечно, измѣнился: не много встрѣтилъ я въ его средѣ старыхъ друзей, съ которыми познакомился въ 1874 году: тогда они были юношами, теперь стали почти стариками. Но, къ удивленію моему, общее настроеніе херсонскаго учительства сохрани-

лось все то же, несмотря на многія неблагопріятныя вліянія; оно сохранилось въ немногихъ старыхъ работникахъ, перешло и на ихъ новыхъ товарищѣй. Много въ немъ беззавѣтвой вѣры въ свое дѣло, много потребности самообразованія и самоусовершенствованія, много благородныхъ идеальныхъ стремленій... Если бы да поменьше регламентации, формализма и давящей рутины извнѣ, какъ бы оно воспрянуло, оживилось и двинулось впередъ!..

«Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость?»

Въ томъ же 1899 году, когда происходили курсы въ Курскѣ и Херсонѣ, я былъ приглашенъ къ участию на общеобразовательныхъ курсахъ въ Павловскѣ для учителей и учительницъ с.-петербургской губерніи. Здѣсь я былъ единственнымъ представителемъ спеціально-педагогическаго элемента: я изложилъ двѣнадцать лекцій «о практикѣ учебнаго дѣла въ народной школѣ», имѣя въ виду общія основы воспитывающаго обученія и въ частности—примѣненіе ихъ къ преподаванію родного языка, — по программѣ, предварительно разсмотрѣнной и одобренной учебнымъ начальствомъ. Въ общемъ же, курсы были общеобразовательныя. Я видѣлъ со стороны со-

бравшагося учительства много вниманія, интереса и стремленія къ наилучшему пониманію моихъ лекцій и своего дѣла. Учителя весьма удовлетворительно записали эти лекціи, и записъ эта, проредактированная мной, была напечатана въ журналѣ «Русскій начальный учитель». Они приглашали меня въ свои общежитія или приходили ко мнѣ на квартиру потолковать о своихъ недоразумѣніяхъ и затрудненіяхъ, подѣлиться своими наблюденіями, выводами, планами и надеждами. Но чѣмъ болѣе я сближался съ ними, тѣмъ очевиднѣе убѣждался, что главный интересъ курсовъ для нихъ заключается въ лекціяхъ общеобразовательныхъ, что они сознаютъ недостаточность своего общаго образованія и совершенную необходимость пополнить его научными знаніями, расширить свой умственный кругозоръ, для надлежащаго выполненія своей миссіи по отношенію къ народной жизни, какъ миссіи проводниковъ свѣта, научнаго знанія, человѣчности. Лекціи по исторіи языка, по исторіи искусствъ, по естествознанію, по психологіи, и т. п. труднѣе для ихъ пониманія, но гораздо больше интересуютъ ихъ, даютъ имъ больше новаго и признаются

ими въ данный моментъ болѣе нужными, нежели специально педагогическія. А учительство это, надо сказать, по своему развитію и по своимъ идеальнымъ стремленіямъ, вовсе не стоитъ выше ярославскаго или херсонскаго, — скорѣе, въ общемъ, уступаетъ тому и другому. Я и раньше думалъ, а теперь окончательно убѣдился, что современному русскому учительству, учительству «конца вѣка», нужно совсѣмъ не то, въ чемъ наше учительство нуждалось тридцать-двадцать лѣтъ тому назадъ, тѣмъ болѣе, что и дѣло его много расширилось. Какъ ни ухудшаются внѣшнія вліянія на школу, какъ ни давятъ на нее суровая регламентація и формализмъ, а жизнь дѣлаетъ свое дѣло: школа растетъ, сближается съ народною жизнью, приспособляется къ ея потребностямъ, создавая новое содержаніе и новыя формы для своего обученія. Обученіемъ молитвамъ, грамотѣ да счету теперь ограничиваться уже нельзя; съ готовыми шаблонами да одной безсодержательною учительскою техникой далеко не уѣдешь. Народная школа неудержимо, въ силу потребностей жизни, изъ школы грамотности, какою она была въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, обращается въ образователь-

ную школу съ широкими просвѣтительными задачами, и было бы безуміемъ насильственно задерживать этотъ ея естественный ростъ. Понятно, что и работники ея чувствуютъ и сознаютъ необходимость запасаться научнымъ знаніемъ, расширять свой умственный кругозоръ, развивать въ себѣ самодѣятельную критическую мысль.

Расширеніе на педагогическихъ курсахъ общеобразовательнаго элемента за счетъ учительской техники, которою современное учительство овладѣло въ достаточной мѣрѣ, стало моею задачей, выполнение которой во всякомъ другомъ городѣ, по многимъ причинамъ, было труднѣе, нежели въ Павловскѣ.

И вотъ, въ 1900 году, въ послѣдній разъ принимая на себя руководство курсами по установившемуся образцу, я рѣшился сдѣлать попытку—внести въ нихъ долю общеобразовательнаго элемента, на сколько это возможно было для одного человѣка, на которомъ при томъ же лежитъ довольно сложная спеціально-педагогическая задача, (преподаваніе родного языка, со всѣми его развѣтвленіями).

Это были курсы—въ Ярославлѣ (во 2-ой разъ) и въ Одессѣ. Я рѣшительно, хотя съ

большими сомнѣніями, включилъ въ программу моихъ теоретическихъ изложеній: во-первыхъ, связные очерки по психологіи, вводя въ нихъ понятіе объ экспериментальной психологіи и сообщенія о нѣкоторыхъ ея выводахъ, а частью и по логикѣ; во-вторыхъ, связные очерки по исторіи русской литературы, въ связи съ общественною жизнью, подъ заглавіемъ «просмотра русской литературы съ педагогической точки зрѣнія». Программа сошла благополучно въ двухъ учебныхъ округахъ (московскомъ и одесскомъ), и курсы 1900 года въ Ярославлѣ и Одессѣ, хоть въ нѣкоторой мѣрѣ, получили общеобразовательный характеръ. Но въ существѣ дѣла этого было слишкомъ мало, и я, по совѣсти, считалъ своимъ долгомъ закончить отчетъ объ одесскихъ курсахъ такимъ заключеніемъ:

«При открытіи курсовъ въ блестящемъ роскошью городѣ Одессѣ, въ его великолѣпной народной аудиторіи, я началъ свое вступительное слово заявленіемъ, что предстоящими занятіями намѣреваюсь закончить мою дѣятельность, какъ руководителя курсовъ, какія практикуются у насъ въ настоящее время».

«Теперь, задумываясь надъ моимъ отче-

томъ объ одесскихъ курсахъ, оживляя въ своей душѣ и всѣ трехнедѣльные занятія, и все многочисленное собраніе, наполнявшее обширную аудиторію, я все-таки остаюсь при томъ же намѣреніи».

«Думается, что совсѣмъ не то нужно для современнаго русскаго учительства, съ его пытливою возбужденною мыслью, съ его жаждою знанія, съ его потребностью живого дѣла, съ его горькимъ опытомъ и тяжелою жизнью». («Отчетъ», изд. херсонскаго губ. земства, стр. 41—42).

Это благое намѣреніе «остановиться» мнѣ пришлось осуществить и помимо моей воли не только по отношенію къ курсамъ по правиламъ 1875 года, но и по отношенію къ курсамъ для народныхъ учителей и учительницъ вообще, хотя бы съ преобладаніемъ въ нихъ общеобразовательнаго элемента: я опять былъ «изъятъ» изъ сонма одобряемыхъ руководителей, и думается, что навсегда пересталъ быть вольнымъ «учителемъ учителей»...

Ну, что-жъ, тридцать лѣтъ я служилъ русской народной школѣ по мѣрѣ моего разумѣнія: пора и честь знать. Остается только сдѣлать общій подсчетъ моимъ «ученикамъ-учителямъ».

Общее число моихъ учениковъ-учителей по съѣздамъ 1910 (см. гл. 2-ая).

Число моихъ учениковъ-учителей по курсамъ:

Нижній (приблизительно) . . .	300
Тамбовъ » . . .	168
Стародубъ » . . .	115
Ярославль (въ 1-й разъ) . . .	178
Ярославль (во 2-й разъ) . . .	330
Курскъ » . . .	341
Херсонъ » . . .	232
Павловскъ (приблизительно) .	200
Одесса » . . .	504
	<hr/>
	2368

Общее число . . . 4278

Итакъ, болѣе 4-хъ тысячъ человекъ, любимыхъ мною, дорогихъ мнѣ учителей и учительницъ, довѣрчиво слушали меня—конечно, съ разрѣшенія начальства и въ присутствіи наблюдателей, облеченныхъ довѣріемъ этого начальства, и вдругъ «изъятъ»... Пусть «изъятъ», это не для кого не важно... Но почему? За какія провинности? Не поучалъ же я эти тысячи довѣрчивыхъ людей чему-нибудь дурному, вредному, опасному? Не вливалъ же я въ эти довѣрчивыя души «сенечкинъ ядъ?»

Эти вопросы не давали мнѣ покоя. И захотѣлось мнѣ суда, но не какого-нибудь до-реформеннаго, секретнаго и тягучаго суда, а гласнаго и скорога суда общественной совѣсти.

И судъ этотъ состоялся...

IV.

Еще одно, последнее, сказаніе...

Еще одно, послѣднее, сказанье...

Собственно говоря, это былъ не судъ. Это было только нѣкоторое подобіе суда, съ обвиненіемъ, съ защитой и съ приговоромъ общественной совѣсти.

Начну съ обвиненія. Оно было направлено, собственно говоря, на одесскіе курсы 1900 года, но косвенно относилось и ко всѣмъ съѣздамъ, мною руководимымъ. Сущность его заключалась въ томъ, что эти курсы «были организованы и ведены несогласно съ установленными правилами 5 августа 1875 года», а въ чемъ заключались отступленія отъ правилъ, тому слѣдуютъ пункты ¹⁾.

Во-первыхъ, курсы велись въ зданіи город-

---

¹⁾ Сущность обвиненія извлекаю изъ газеты „Донская Рѣчь“ (№ 81 за 1902 г.), перепечатавшей его изъ „Одесскихъ Новостей“.

ской аудиторіи, а не при учительской семинаріи, или какомъ-либо другомъ учебномъ заведеніи, какъ рекомендуютъ правила.

Во-вторыхъ, число слушателей было «крайне велико, достигая 500 человекъ», а это тоже несогласно съ правилами.

Въ-третьихъ, «вмѣсто живой бесѣды были допущены чтенія въ формѣ докладовъ».

Въ-четвертыхъ, было допущено «слишкомъ большое увлеченіе въ сторону вопросовъ, главнымъ образомъ, о воспитательно-образовательныхъ средствахъ воздѣйствія на учениковъ», и руководитель, въ своей вступительной рѣчи, даже подчеркнулъ, что главное вниманіе его будетъ обращено не на «внѣшнюю сторону», не на «технику обученія».

Въ-пятыхъ, руководитель, при обсужденіи вопросовъ училищевѣдѣнія, «затрагивалъ и такія стороны, которыя не входятъ въ сферу компетентности педагогическихъ курсовъ, какъ, на примѣръ, попытка практическаго разрѣшенія вопроса объ улучшеніи матеріальнаго быта учителей основаніемъ общества взаимопомощи, объ увеличеніи размѣровъ и сокращеніи сроковъ эмеритуры (земской?) для учащихъ лицъ,

о правѣ пользоваться земскими лошадьми и т. п.»

Мало того, были допущены: «обсужденіе такихъ предметовъ, какъ проектъ устава майскаго союза охраненія птицъ, доклады о наградахъ и наказаніяхъ въ начальной и средней (NS) школѣ, уроки фотографіи (NS), обученіе грамотѣ взрослыхъ, сообщеніе, сдѣланное статистикомъ Бориневичемъ, о важности статистики и о приемахъ собиранія статистическихъ данныхъ».

Выводъ такой, что «при такомъ уклоненіи отъ правилъ 1875 года, успѣшность занятій не поддается точному опредѣленію».

Обвиненіе оказалось, во-первыхъ, не такимъ страшнымъ, чтобы стоило волноваться и огорчаться: никакого «сенечкина» яда въ курсахъ, мною проведенныхъ, и въ моихъ поученіяхъ, какъ «учителя учителей»; очевидно, найти не удалось; во-вторыхъ, всѣ обвиненія оказались настолько неоснованными, что защитѣ ничего не стоило разбить ихъ въ пухъ и прахъ.

Прокуроръ былъ, кажется, изъ отставныхъ военныхъ и не сообразилъ, что всякое обвиненіе имѣетъ цѣну только въ томъ случаѣ,

если оно построено на достовѣрныхъ фактическихъ данныхъ и хорошо обосновано: ему подсунули обвинительный актъ сомнительнаго достоинства, а онъ, не разобравъ дѣла, подмахнулъ. Ну, и Богъ съ нимъ.

Перехожу къ защитѣ. Содержаніе ея заимствую изъ «Русскихъ Вѣдомостей», изъ «Одесскихъ Новостей», изъ «Юга» («О грѣхахъ одесскихъ курсовъ», № 1184), «Донской Рѣчи» («Письмо въ редакцію», № 105), «Сѣвернаго Края» (Правда объ одесскихъ курсахъ», № 105).

Матеріаль защиты располагаю сообразно съ планомъ обвиненія.

Защита признаетъ справедливымъ, что курсы были организованы и не ведены согласно съ правилами 5 августа 1875 года. Но кто-же сказалъ, что обвиняемый брался руководить курсами съ соблюденіемъ этихъ правилъ, которыя онъ открыто признавалъ отжившими и невозможными въ печатныхъ отчетахъ о своихъ прежнихъ курсахъ,—въ отчетахъ, которыхъ не могло не знать обвиненіе, напр., въ отчетѣ о тамбовскихъ курсахъ 1897 года (см. «Русскій нач. учитель» за этотъ годъ: «Тамбовскіе курсы для нар. учит. и учительницъ

лѣтомъ 1897 года», стр. 2, 3, 4). Кто обязывалъ руководителя вести курсы, вопреки его убѣжденіямъ, выработаннымъ тридцатилѣтними наблюденіями, опытами, размышленіями, тридцатилѣтней работой по дѣлу народнаго образованія? Онъ съ 1897 года велъ курсы, отклоняясь отъ невозможныхъ правилъ, по необходимости и съ вѣдома начальства, но велъ по программѣ, которая была извѣстна учебному начальству, была одобрена имъ, — велъ ихъ и въ Московскомъ, и въ Кіевскомъ, и въ Харьковскомъ, и въ Одесскомъ округѣ, всегда подъ надзоромъ чиновниковъ-наблюдателей, не навлекая на себя никакихъ нареканій и упрековъ ни со стороны мѣстныхъ, ни со стороны центральныхъ властей. Очень ярко было подчеркнуто отступленіе отъ правилъ 1875 года и въ его отчетѣ о херсонскихъ курсахъ 1899 гола (изданіе губернскаго земства); а курсы въ Одессѣ были разрѣшены учебнымъ начальствомъ именно на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ они были введены въ Херсонѣ, о чемъ руководителя и увѣдомили. Да безъ этого условія онъ и не согласился бы руководить курсами, признавая такое дѣло безплоднымъ, несоотвѣтствующимъ жи-

вымъ потребностямъ школы и учительства. Виноватъ ли онъ, что русская жизнь и русская школа, слава Богу, не стояли четверть вѣка на одномъ мѣстѣ, что школа, съ ея учительствомъ, за это время выросла и не удовлетворяется правилами, отжившими и потерявшими свой смыслъ, если они когда-нибудь его имѣли? «Всякому овощу свое время». Какъ бы то ни было, руководителя совершенно оправдываетъ то обстоятельство, что онъ организовалъ и велъ курсы по одобренной программѣ, а за неуклоннымъ слѣдованіемъ этой программѣ. Въ Одессѣ наблюдали три чиновника, неукоснительно присутствовавшіе на всѣхъ занятіяхъ: наблюдатель-инспекторъ училищъ, директоръ училищъ и прикомандированный къ курсамъ окружный инспекторъ. При такомъ надзорѣ изъ рамокъ программы не очень-то выскочишь!

И это вѣрно, что курсы велись не при учительской семинаріи, но—во-первыхъ—такой семинаріи въ Одессѣ не имѣется, а во-вторыхъ, развѣ руководитель выбираетъ помѣщеніе для курсовъ? Онъ прибылъ уже въ готовое помѣщеніе, выбранное мѣстными людьми,—конечно, съ разрѣшенія начальства, и приспособленное для занятій въ ожиданіи руководителя. Въ

Тамбовѣ онъ велъ занятія тоже въ народной аудиторіи, въ Курскѣ—въ залѣ дворянскаго дома, въ Павловскѣ курсы ведутся въ дворцовомъ залѣ. Правда, въ Херсонѣ они велись въ домѣ одного изъ городскихъ училищъ, но, во-первыхъ, все-таки не при учительской семинаріи (она имѣется въ Херсонѣ), а во-вторыхъ, вѣдь это и было невозможное помѣщеніе, гдѣ и курсисты, и дѣти—школьники обливались потомъ и задыхались отъ недостатка воздуха и отъ духоты: неужели это желательно, хотя и ради соблюденія пресловутыхъ правилъ? Противъ этого невозможнаго помѣщенія руководитель въ Херсонѣ горячо протестовалъ, а наблюдатель столь же горячо отстаивалъ свой выборъ. Но противъ такого прекраснаго помѣщенія, какъ залъ Одесской городской аудиторіи, протестовать не приходилось: оставалось только благодарить и наблюдателя, и городское самоуправленіе, и мѣстное начальство.

Слушателей на курсахъ было даже не 500, какъ говорить обвиненіе, а болѣе пятисотъ; если бы включить въ счетъ лицъ, которыя допускались безъ билетовъ (земскіе люди, члены городского самоуправления и т. п.), ихъ на-

считалось бы, можетъ быть, и до шестисотъ. Но развѣ это зависѣло отъ руководителя? Вѣдь и билеты раздавалъ, и безъ билетовъ допускалъ слушателей не руководитель; это не входило въ кругъ его правъ и обязанностей, да и досуга для этого онъ не имѣлъ: все его время было занято педагогической работой. Но, конечно, онъ и не протестовалъ противъ доступности курсовъ, лишь бы не было тѣсноты, духоты и безпорядка.

Ни того, ни другого, ни третьяго не было; въ аудиторіи все время былъ образцовый порядокъ и полный просторъ. При такихъ условіяхъ, для руководителя было рѣшительно все равно, 50 или 500 человекъ слушаютъ его уроки, бесѣды, лекціи; съ своей точки зрѣнія, онъ даже сочувствовалъ свободному доступу на курсы для всѣхъ желающихъ: вѣдь курсы — просвѣтительное учрежденіе, а прятать свѣтъ обычай прямо варварскій. При томъ же надо различать пассивныхъ слушателей отъ активныхъ курсистовъ, принимающихъ участіе во всѣхъ занятіяхъ; послѣднихъ въ Одессѣ было не болѣе 80-ти. Такъ было и въ Ярославлѣ, и въ Курскѣ, и въ Херсонѣ, курсы котораго

должны были служить образцомъ для организаціи одесскихъ.

Чтеніе докладовъ, а преимущественно фактическихъ сообщеній, на курсахъ было допущено, согласно съ одобренной программой, какъ оно было допущено и въ Херсонѣ въ 1899 году, но не «вмѣсто живыхъ бесѣдъ», какъ говоритъ обвиненіе, а именно для того, чтобы сдѣлать возможными такія бесѣды; эти доклады и сообщенія служили для нихъ исходными пунктами и почвой, опредѣляли ихъ содержаніе и границы; безъ этого бесѣды обратить бы въ бессознательныя и безбрежныя словоизліянія, чего руководитель, конечно, не могъ желать въ интересахъ дѣла.

Руководитель не отрицая своего заявленія о томъ, что главною задачею курсовъ должна быть не столько забота о внѣшней сторонѣ обученія, о его техникѣ, которою современное русское учительство уже владѣетъ, сколько забота объ очеловѣчивающемъ духѣ обученія и соотвѣтствіи его съ общей образовательной задачей народной школы; не отрицаетъ и замѣченнаго обвиненіемъ увлеченія въ сторону вопросовъ воспитательно-образовательнаго воздѣйствія на учениковъ; но то и другое онъ,

по совѣсти, признавалъ и признаетъ не только соответствующимъ одобренной программѣ, а прямо обязательнымъ для себя нравственнымъ долгомъ. Онъ убѣжденъ, что именно «воспитательно-образовательное—то воздѣйствіе на учениковъ», которое у насъ слишкомъ долго упускалось изъ виду въ погонѣ за техникой обученія, и должно быть главной задачей хорошо поставленной народной школы, а ужъ никакъ не простая выучка грамотѣ и счету. Онъ думаетъ, что никакое увлеченіе «въ сторону воспитательно-образовательныхъ вопросовъ» у насъ не можетъ быть «слишкомъ большимъ». Кромѣ того, хотя оспаривать это положеніе очень трудно, все таки выраженіе обвиненія о «слишкомъ большомъ» увлеченіи не согласно съ фактами. «Техника обученія» на Одесскихъ курсахъ вовсе не была обижена: уроки въ школѣ взяли не менѣе половины всего времени; дано было 68 уроковъ (изъ нихъ 30 руководителемъ), которые обстоятельно объяснялись и разбирались (см. «Отчетъ», стр. 5). При этомъ защита считаетъ умѣстнымъ и справедливымъ выразить желаніе, чтобы обвиненіе, цитируя слова руководителя, не искажало ихъ, какъ это сдѣлано

съ его заявленіемъ о предполагаемомъ характерѣ занятій (сравни съ 7 стр. «Отчета»). Защита полагаетъ, что обвиненіе пользовалось недоброкачественнымъ матеріаломъ сомнительнаго происхожденія, на что будутъ сдѣланы указанія и впереди. Это очень жаль, потому что такъ подрывается нравственное достоинство обвиненія.

Это правда, что на курсахъ обсуждались почти всѣ тѣ вопросы, на которые указываетъ обвиненіе; допущено было и сообщеніе статистика г. Бориневича, очень интересное и полезное. Но защита должна заявить, что въ число этихъ вопросовъ обвиненіемъ напрасно внесены и такіе, о которыхъ на курсахъ даже помину не было, да и быть не могло напр. о наградахъ и наказаніяхъ въ средней школѣ, или какіе то уроки фотографіи.

Здѣсь чуть-ли не допущено наивное смѣшеніе фотографіи съ орѳографіей.

Опять очевидно, что обвиненіе пользуется не только недоброкачественнымъ, но, кажется, даже и невѣжественнымъ или недобросовѣстнымъ матеріаломъ, авторъ котораго не понимаетъ даже разницы между орѳографіей

и фотографіей. Хотя обвиненію не трудно было сообразить что въ матеріалѣ, которымъ оно пользуется, допущена очевидная несообразность и даже нелѣпость, но, во всякомъ случаѣ, благоразуміе требовало провѣрять этотъ подозрительный матеріалъ хоть бы отчетомъ руководителя, изданнымъ губернской управой, правдивость котораго не можетъ быть заподозрѣна, потому что всѣ занятія на курсахъ происходили открыто, подѣ многолюднымъ контролемъ... Но главное дѣло въ томъ, что право допускать къ прочтенію тѣхъ или другіе доклады и сообщенія, допускать обсужденіе тѣхъ или другихъ вопросовъ—въ Одессѣ, какъ и на всѣхъ другихъ курсахъ, принадлежало не руководителю. Въ Херсонѣ оно принадлежало одному наблюдателю-инспектору, который и наложилъ свое запрещеніе ¹⁾ на вопросъ о посѣщеніи учителями товарищескихъ уроковъ. Въ Одессѣ же оно принадлежало тремъ чиновникамъ, безъ согласія которыхъ на курсахъ ничего не дѣлалось и не могло дѣлаться. Могли бы пройти и невозможные вопросы о наградахъ и наказаніяхъ въ

---

¹⁾ Объ этомъ см. въ 3-ей главѣ.

средней школѣ и о фотографіи, если бы они были допущены чиновниками — наблюдателями, и руководитель не понималъ ихъ неумѣстности.

Но верхъ несообразности представляетъ выводъ обвиненія о томъ, что успѣшность занятій не поддается точному опредѣленію по причинѣ уклоненій отъ правилъ 1875 года? Что понимаетъ обвиненіе подъ успѣшностью занятій: успѣшное ли выполнение одобренной начальствомъ программы? удовлетворительность ли вниманія со стороны курсистовъ? размѣры ли результатовъ отъ курсовыхъ занятій для усовершенствованія мѣстной школы, ея учительства и учебно-воспитательнаго дѣла?.. Думаю, что обвиненіе говоритъ объ успѣшности въ послѣднемъ смыслѣ, потому что успѣшное выполнение программы и внимательное отношеніе аудиторіи къ занятіямъ не подлежатъ сомнѣнію, котораго и обвиненіе не выражаетъ.

Во всякомъ случаѣ, какое же тутъ можетъ быть точное опредѣленіе, съ какой бы педантической точностью не соблюдались пресловутыя правила?

Толковать же о результатахъ занятій для

практики учебно-воспитательнаго дѣла въ школахъ на основаніи какихъ-то постороннихъ матеріаловъ, да еще подозрительнаго достоинства, даже и на основаніи правдиваго отчета, издавнаго губернской управой, а тѣмъ болѣе добиваться точнаго опредѣленія этихъ результатовъ, — прямо непонятная наивность. Результаты эти могутъ обнаружиться только по истеченіи достаточнаго времени и въ тѣхъ школахъ, гдѣ работаютъ слушатели курсовъ. Только показанія сказанныхъ слушателей въ этомъ отношеніи и могутъ имѣть цѣну, но и они точнаго опредѣленія полученныхъ результатовъ дать не могутъ.

Защита сожалѣетъ, что ей приходится объяснять обвиненію такія простыя и очевидныя истины, пониманіе которыхъ, казалось бы, для него обязательно: что дѣлать, «сама себя раба бьетъ, если нечисто жнетъ».

Въ дополненіе къ обвиненію и защитѣ, чтобы объяснить исходъ процесса, приведу три свидѣтельскія показанія.

Ярославское губернское земское собраніе въ концѣ 1900 года постановило: «выразить Н. О. Бунакову глубокую благодарность за плодотворные труды на пользу ярославской

народной школы въ качествѣ руководителя на бывшихъ лѣтомъ 1900 года въ г. Ярославлѣ педагогическихъ курсахъ», о чемъ меня и увѣдомила губернская управа.

Учительство, работавшее въ Одессѣ, почтило меня адресомъ въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «Вы сплотили, сблизили сроднили всѣхъ насъ, подняли нашъ падающій духъ, вдохнули въ насъ желаніе взяться за свой тяжелый трудъ съ новой энергіей и обновленными силами»...

Одинъ изъ слушателей одесскихъ курсовъ въ 1256 № газеты «Югъ» печатно заявилъ за себя и за своихъ товарищей: «Большое спасибо Н. Θ. Бунакову за то, что онъ въ своихъ занятіяхъ остановился не на внѣшней сторонѣ, не на техникѣ обученія, а на вопросахъ примѣненія психологіи и логики къ учебно-воспитательному дѣлу; это значительно облегчило нашъ трудъ и озарило пониманіе его свѣтомъ научной мысли,—въ этомъ я успѣлъ уже достаточно убѣдиться»... «И очень естественно, что мы развѣзжались (съ курсовъ) по своимъ школамъ нравственно бодрыми, съ свѣжимъ запасомъ новыхъ, болѣе широкихъ и плодотворныхъ педагогическихъ и научныхъ

идей, внося въ дѣтскую жизнь больше теплоты и свѣта».

Результатомъ этого судебного процесса было слѣдующее: я получилъ приглашенія принять участіе въ руководительство курсами для народныхъ учителей и учительницъ отъ земствъ изъ Ярославля, Бердянска, Воронежа, Владиміра, Тулы, Рязани, Твери, Самары, Тамбова, Александровска, Уфы и отъ вѣдомства церковно-приходскихъ школъ изъ Пензы.

Это были какъ бы двѣнадцать присяжныхъ засѣдателей, выразителей суда общественной совѣсти, вынесшихъ мнѣ оправдательный приговоръ.

Само собой разумѣется, что изъ всѣхъ этихъ лестныхъ приглашеній для меня было доступно только то, на которое не могла простираться сила постигшаго меня «изъятія». Токово было приглашеніе изъ Пензы, которое было для меня еще симпатично и дорого тѣмъ, что курсы тамъ предполагались (и дѣйствительно были) съ значительной долей общеобразовательнаго элемента, и что оно исходило, между прочимъ, отъ лица учительства. Вотъ почему въ 1902 году я поѣхалъ руководить курсами для учителей и учительницъ

церковно-приходскихъ школъ въ Пензу, гдѣ имѣлъ полную возможность поставить на первый планъ не методическіе шаблоны и мелочи, не учительскую технику, а вопросы воспитательно-образовательнаго воздѣйствія на учениковъ, а къ общему числу моихъ учениковъ-учителей прибавить еще 172, такъ что общее число возросло до 4450.

Закончивъ пензенскими курсами мою тридцатилѣтнюю дѣятельность, какъ «учителя-учителей», я считаю, что я торжественно оправданъ судомъ общественной совѣсти,—и больше мнѣ ничего не нужно.

С. Петичю.

1903 г. IV—15.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
I. Первый шагъ.	3
II. Съѣзды народныхъ учителей.	33
III. Курсы для учителей.	89
IV. Еще одно, послѣдніе, сказанье.	139

